

Анна МАЛЫШЕВА

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

ДЕТЕКТИВ

Анна Витальевна Малышева

Обратный отсчет

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181754
Обратный отсчет: АСТ, Астрель; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-047026-6, 978-5-271-18296-9*

Аннотация

Размеренную жизнь молодой пары резко разрушает явившаяся из небытия старинная тайна – они напали на след богатого клада времен Ивана Грозного.

Искать ли его? У них нет сомнений.

Чем можно пожертвовать ради победы? Им ничто не кажется невозможным, но... В их союзе появляется некто третий, и становится ясно, что жертвовать придется одним из них.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Глава 3	64
Глава 4	92
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Анна Малышева

Обратный отсчет

Глава 1

Где подписать? Здесь и... Да, и здесь. Сумму указываем прописью... Да, я понимаю... Тысяч... Рублей... Роспись...

Он с облегчением отложил ручку и выпрямился. В кабинете нотариуса было невыносимо душно, да еще пришлось целый час дожидаться своей очереди в коридоре – оформляли другую сделку и возникли какие-то сложности.

«Открыли бы форточку, что ли! – подумал он, следя за тем, как нотариус, пожилая тучная женщина в коричневом старомодном платье – точь-в-точь таком, как носила его бабушка, прошивает листы договора гербовой лентой. – Дышать нечем! Ну, ничего, сейчас выйдем на воздух. Где-то возле станции я заметил тратторию. Съедем с Людой по пицце, выпьем пива, обмоем сделку. Черт, а я ведь переволновался – даже руки трясутся. Меня могли принять за алкоголика!»

Он обернулся – подруга сидела в углу, на краешке стула, спокойно сложив руки на коленях. Казалось, сделка вообще не волновала Люду – до того отрешенным и непроницаемым было ее узкое лицо. Бледна – но как всегда. И, как

всегда, гладко зачесаны и сплетены на затылке в короткую косу светлые волосы. Взгляд голубых глаз прозрачен и вместе с тем – совершенно непроницаем. Дмитрий поежился. Ее глаза всегда казались ему зеркалами, которые сами по себе ничего не выражают – лишь отражают тех, кто смотрится в них. «У нее вообще нервы есть? Мы отдаем последние деньги на авантюру... Если дело не выгорит – что с нами будет? Я продал московскую квартиру, она – свою дачу. Все для того, чтобы собрать деньги на эту сделку! Причем мы же не в браке, сделка – на меня, стало быть, если мы расстанемся – кому она докажет, что вложила деньги? И как? И вот – глазом не моргнула, отдала мне толстенькую пачку. Только одно попросила – прийти на сделку вместе. Иногда я совсем перестаю ее понимать! Неужели она мне так верит? Или... Так любит? Безумный поступок!»

Следующие два часа прошли, как в полусне. Девушка из агентства, через которое они проводили сделку, взяла у нотариуса договор, вывела клиентов из конторы и усадила в свою машину. В агентстве произвели окончательный расчет. Продавец дома – хмурый, неотесанный мужичонка с испитым лицом – получил деньги. Напоследок он пробурчал что-то насчет крыс, которых в подполе развелось видимо-невидимо. Дмитрий содрогнулся (время от времени ему казалось, что хозяин дома тихо бредит) и взял договор, который тут же отдал агентше – для оформления в регистрационной палате. Люда молча держалась на заднем плане, но не отходила ни

на шаг. И это его успокаивало, как успокаивал всегда ее холодный, ясный, бестрепетный взгляд. Казалось, в этом мире не было ничего, что могло бы ее встревожить. Разорвись у нее над ухом петарда – она не сморгнет, только чуть сдвинет русые брови и слегка подожмет губы – непорядок, мол. Именно поэтому они и стали жить вместе – его-то тревожило многое, Дмитрий с детства был нервен и легко возбудим, а Люда всегда оставалась невозмутимой и могла успокоить своего друга, не произнеся ни единого слова.

В траттории было шумно и людно. Навесной экран в пол-стены транслировал футбольный матч, но комментатора заглушал гомон полусотни голосов. Здесь отдыхала одна молодежь, все перекрикивались, переговаривались, и Диме сразу стало ясно – в этом маленьком подмосковном городке траттория считается чем-то вроде местного клуба. Между столиков стлался сигаретный дым, с запотевших бокалов лилась пышная пивная пена. Такие забегаловки он терпеть не мог. Ему были по душе места тихие, немногочисленные и желательны уже знакомые. Все новое, неизвестное пугало Диму, и он в сотый раз спросил себя, как мог пойти на поводу у подружки и согласиться... Сегодня слишком многое было для него новым. Почти все – включая тратторию у маленького вокзала в подмосковном городке, где он до недавнего времени никогда не был.

– Шумно. – Он обернулся к Люде. – Но другого кафе я

что-то не приметил.

– Нам-то какое дело? Они шумят, а ты не слушай. – Она оглядела полный зал. – Я бы выпила пива. Устала.

– А я бы съел чего-нибудь, – признался Дима. – Сама знаешь – так волновался, что двое суток куска в рот не брал.

– Стоило переживать... – чуть улыбнулась она. – А, вот, нас сейчас посадят.

И в самом деле, худенькая официантка устроила их за столик, и даже очень удобный – в деревянной решетчатой кабинке, увитой искусственным плющом. Здесь было хоть какое-то подобие уединения, о котором мечтал парень. Дима наугад заказал пиццу и два темных чешских пива. Когда официантка удалилась, оба несколько минут молчали. Дима прикрыл глаза. Веки горели и слезились – за последние дни он лишился не только аппетита, но и сна.

– Я не думала, что ты такой нервный, – услышал он ее голос. Чиркнула зажигалка. Он приподнял воспаленные веки и взглянул на Люду. Та сидела напротив, небрежно облокотясь о столешницу и вертя в пальцах сигарету. – А ведь знаю тебя три года. Нет, я кое-что замечала, ты многое принимаешь слишком близко к сердцу... Но сегодня я впервые подумала, что тебе нужно принимать успокоительное.

– Неужели мы вместе три года? – Он расслышал лишь кусок фразы. Мотнул головой, растер лицо ладонями и окончательно пришел в себя. – Я не считал.

– Я считала. Мне было двадцать пять, а тебе двадцать

семь, когда мы встретились. Еще помню, как радовалась мама – она все время говорила, что в моем возрасте давно пора быть замужем. Она ведь вообще считает, что я все делаю с опозданием.

Люда еле заметно, иронично усмехнулась. К столику подошла официантка с подносом.

– Ну, маму вспомнила... – Дима торопливо высвободил завернутые в салфетку вилку и нож и набросился на принесенную пищу, разрывая спекшиеся с ветчиной овощи и клейкий растопленный сыр. – Хочешь кусочек?

Люда отрицательно качнула головой и придвинула к себе пепельницу. Она, как всегда, не курила в прямом понимании этого слова – просто держала между сомкнутых пальцев слабо тлеющую сигарету. Это была ее обычная манера, которая сперва удивляла, а потом стала раздражать сожителя. «Зачем ты это делаешь? – выговаривал он. – Только деньги переводишь да воздух отравляешь!» Люда пожимала плечами и продолжала поступать по-своему. Затягивалась всего раз – когда закуривала, а когда сигарета потухала, попросту давила ее в пепельнице.

– Вкусно? – спросила она, глядя, как Дима управляет с пищей.

Тот невнятно, с набитым ртом ответил:

– Разогретая резина!

– Так зачем ешь? Чтобы уплаченные деньги зря не пропали? Учти – одна моя соседка-старушка отправилась таким

манером на тот свет – принимала просроченные таблетки. И это притом, что у нее были свежие! Тот же принцип – жалко, добро пропадает... Не отравишься?

– Я сейчас что угодно съем! – Он наконец одолел последний кусок и вытер губы салфеткой. – Люд, скажи как на духу – мы с тобой не натворили глупостей? Целый месяц себя об этом спрашиваю, с тех пор как связался с этой покупкой! Ну я – ладно. Выписался к родителям, квартиры хоть и лишился, а сделка-то на меня. В любом случае у меня останется этот дом. А ты? Продала дачу, деньги отдала мне, в браке мы не состоим, расписки ты с меня не брала... И если что не сложится – получается, у тебя ничего нет!

– Почему? – Она потушила сигарету и взглянула на Диму ясным холодным взглядом. – У меня есть ты.

Подобное она произносила впервые. За три года сожительства он не слышал от нее ничего похожего на объяснение в любви. Удивительно, но девушка спокойно обошлась без этой формальности, которую многие соблюдают из простой вежливости или чтобы сделать приятное партнеру. Дима оторопел.

– Мы же вместе? – уточнила она, не сводя с него глаз. – Не комкай салфетку, она уже ни на что не похожа. Так мы вместе?

Он отшвырнул замасленную льняную салфетку:

– Как ты можешь спрашивать... Конечно! – Он торопливо отпил пива. – И между прочим, вспомни – я предлагал тебе

как-то выйти за меня. Ты отказала.

– Я хотела подумать. – Теперь она едва заметно заулыбалась. Улыбка очень скрашивала ее бледное, всегда замкнутое лицо, почти лишенное мимики. Из-за этой улыбки Дима когда-то и решил познакомиться с нею поближе. Это было на вечеринке, у друзей. Три года вместе? Да, действительно. Срок немалый, и ведь он не шутил, когда заговорил о браке... Почему ничего не вышло?

– Никогда тебя не понимал. – Он раздраженно разогнал висевший перед лицом табачный дым. – Никуда не торопиться, ни о чем не волнуешься! Статуя какая-то! Твоя мама в чем-то права!

– А ты меня не понимай. Ты меня просто люби, – спокойно ответила та. – И насчет дома тоже не переживай. Я уверена – мы его купили не зря. То есть – ты купил. Видишь, как я тебе доверяю?

Ее тонкие прохладные пальцы обвили его горячую руку, слегка погладили, сжались. Она улыбнулась искренне и открыто. Дима невольно ответил улыбкой.

– Так ты что теперь – решила выйти за меня?

– Нет. – Она продолжала улыбаться, но руку отняла. – Мне всего двадцать восемь лет. Куда торопиться? Разве что на электричку. От Александрова до Москвы путь неблизкий. Надеюсь немножко вздремнуть, да и тебе советую. У тебя совсем красные глаза.

Она знаком подозвала официантку, взглянула на счет и

протянула его Диме. Тот расплатился, путаясь и нервно отсчитывая купюры. «Она просто издевается! Просто издевается! Я давно уже не собираюсь на ней жениться, спросил так, из вежливости, а она еще шутит... А что, если бы согласилась? Если бы... Я бы женился?» Он взглянул на Люду. Та надевала легкое весеннее пальто, повязывала шарфик. Смотрелась в зеркальце пудреницы и улыбалась – сама себе. И глядя на нее – такую знакомую, свою, родную, Дима в который раз ощутил ее своей женой. Регистрация брака, венчание – он не отказал бы Люде ни в чем, и прежде всего потому, что это совершенно ничего не изменило бы в их отношениях. Точнее – он согласился бы жениться именно затем, чтобы ничего не менялось. Его устраивало все. Но Люда не торопилась – вот в чем дело...

– Едем, – сказала она, застегивая сумку. – Сам подумай, когда мы попадем домой!

* * *

Домом они называли квартиру, которая, в сущности, им не принадлежала. Подруга Люды, уехавшая вместе с филиалом своей фирмы в Германию, пустила их пожить. Бесплатно – они только оплачивали счета за свет, газ и коммунальные услуги. Деньги подруге были не важны, куда важнее то, что она могла не беспокоиться за имущество. Здесь они и жили уже три года.

Дима иногда спрашивал себя – отчего в его жизни последнее время все шло только так, как хотела Люда? Причем некоторые решения принимались вопреки здравому смыслу. У него ведь была своя квартира – когда они сошлись, вполне могли устроиться там. Люда тогда жила с матерью, так что пригласить его к себе не могла, да он и не согласился бы жить рядом с чужой женщиной, которую даже не мог назвать тещей. Зато он-то жил один, так почему... Все произошло как-то спонтанно, почти по-военному слаженно и быстро. Он часто вспоминал их первую ночь, в которую все решилось. Они с Людой были в театре, смотрели «Трехгрошовую оперу». После зашли в кафе неподалеку, выпили шампанского, съели по куску торта, обсудили пьесу. Разговор получался скорее дружеским, чем интимным, и это сбивало Диму с толку. Он давно понял, что хочет эту девушку, более того – не сомневался, что сближение состоится... Но когда? Как он мог намекнуть на это, тем более – сказать прямо? И что дальше? Ее возмущение, удивление или, еще хуже – насмешка? Этот спокойный, излишне спокойный взгляд ее голубых глаз? Дружеский ровный тон? Слишком дружеский, по его мнению. Ее рациональность, расчетливость, холодность? Его возбуждала и притягивала эта девушка, но в последний момент он всегда замирал от странного ощущения – будто собирался ступить на тонкий лед посреди глубокого озера. Выдержит лед или нет? Ему и хотелось этого, и в то же время было жутковато.

Первый шаг сделала она (теперь Дима понимал, что только так и могло быть). Допив шампанское, Люда с улыбкой взглянула на часы и заметила, что дело идет к полуночи.

— А ехать далеко. — Она оправила манжету нарядной блузки, прикрывая часы. В тот вечер она выглядела довольно чопорно — узкая длинная юбка, стоячий воротничок с кружевной оборкой, гладкая прическа. Все это ей очень шло. — Жаль, что ты не за рулем.

— На права-то я давно сдал, — смутился Дима. — Но этого мало — водить пока не умею. Приятель обещал научить, но у нас по времени не складывается. Все забыл, что выучил, но, между прочим, на площадке у меня получалось. Давай я возьму тебе такси, провожу, и...

— Можно сделать проще. — Люда заглянула в сумку и достала три ключа на брелоке. — Моя подруга уехала в Германию, попросила приглядывать за ее квартирой. А если я захочу, то могу и жить там. Иногда так и делаю — когда хочется одиночества.

Она со странной улыбкой взглянула на ключи и спрятала их. Зажгла сигарету, затянулась один раз и, как всегда, оставила ее тлеть между пальцев. Уже тогда его раздражала эта манера — странная, нигде прежде не виданная.

— Квартира рядом, отсюда минут десять пешком, — продолжала Люда. — Честно говоря, я и выбрала этот театр, потому что могу переночевать там.

Дима был слегка уязвлен этим замечанием. Накануне, по

телефону уславливаясь о встрече, он предлагал несколько пьес на выбор – от безмозглых до легких и вплоть до совсем серьезных. К его радости, Люда согласилась на «Трехгрошовую оперу» в Театре сатиры... Но ему и в голову не приходило, что ею двигали такие меркантильные соображения. Шампанское потеряло вкус и неприятно защипало язык. Значит, ей просто было удобно добираться до места ночлега. А пьеса? Безразлична? А он сам, в конце концов?

– Я тебя провожу, – повторил он упавшим голосом. – Не хочешь выпить кофе?

Она встала, набросила на плечо ремешок крохотной театральной сумочки:

– Кофе можно выпить и у меня. Я приглашаю.

Фраза была банальной, даже до пошлости, но Дима все равно взволновался. От любой другой девушки он принял бы это приглашение как недвусмысленный аванс. Ему давно было известно, что от чашки кофе до постели – один шаг. Иногда обходилось даже и без чашки. Но Люда была особенной, и он был вовсе не уверен – не ограничится ли дело чашкой кофе в самом деле?

И был не уверен в этом до последнего глотка. Кофе Люда сварила отличный – не в кофеварке, а в медной турке, как он любил, как варила его мать. Сидели в просторной кухне, на мягких красных пуфиках – весь интерьер был выдержан в красных тонах. Преобладали они и в квартире – он успел оглядеться, пока Люда возилась у плиты. «Ее подруга вло-

жила сюда большие деньги. — Дима придирчиво осматривал мебель, аппаратуру, оценивал качество ремонта. — В такой квартире жить бы и жить, а не то — продать и устроиться где-нибудь за границей, хоть в Испании... Кем работает ее подруга? Сама Люда секретарь — всего-то...»

Подруга работала в той же строительной фирме, что и Люда — это немедленно выяснилось за кофе.

— Конечно, она не секретарь, да и зарабатывает — не сравнить со мной, но мы друг друга знаем сто лет и дружим. Начинали работать вместе, но она рванула наверх, а я никуда не спешила. Мама топала ногами, когда Марфа получила повышение, кричала, что меня оттирают, что я неудачница, а я радовалась, что ей повезло, — доверительно рассказывала девушка. — Есть люди, которым просто необходим карьерный рост — иначе они начинают болеть, а то и умирают. Она еще в школе стремилась выделиться, быть лучше всех. Шла на золотую медаль, и когда ее не получила — сорвалось из-за одной училки-стервы, поставила та ей четверку, — слегла на месяц в больницу. Ей чуть не поставили диагноз — рак крови, представляешь, какие были анализы? Я ее помню в ту пору — страшна, как смерть, белая, под глазами круги... Вот это я понимаю — жажда победы! Вот это честолюбие! У меня этого нет ни капли. А у Марфы хватит на десяток диктаторов.

— Подружку зовут Марфа? — улыбнулся он, вполуха прислушиваясь к ее болтовне. У него начинали слипаться глаза, и он совершенно не представлял, как быть дальше — уй-

ти с достоинством или все-таки сделать попытку... Не было ничего ужаснее, чем сидеть вот так – в роли навязчивого и несообразительного гостя, которому давно пора и честь знать. – Впервые слышу, чтобы кого-то так звали.

– Еще чашечку? – спросила Люда, давая в пепельнице тлеющую сигарету.

– Нет, спасибо. – Им овладевало странное оцепенение. Как-то, он присутствует на дипломатическом приеме, где за одно лишнее и неуместное слово могут осмеять, и все пропало. Нет, в глаза смеяться не будут, но про себя... Если бы он заметил на губах Люды хоть тень усмешки – он бы вовсе не знал, куда деться. – Мне завтра рано вставать.

– Далеко до работы? – спросила она, убирая посуду.

«Она же просто меня выставляет! Наконец понял, идиот! И на что ты рассчитывал? Ждал, когда тебе дадут пинка под зад?»

– До дома ехать час, а оттуда до работы еще минут сорок...

Он не договорил – Люда удивленно подняла голову и поставила обратно на стол тихо звякнувшую чашку.

– Я спросила – далеко ли отсюда до работы? Ведь ты остаешься? Я – да. Поздно уже.

Это было никак не похоже на объяснение в любви или на флирт. Девушка ничуть не волновалась, и даже не притворялась смущенной. Будь на ее месте другая, Дима счел бы ее фригидной дурой. Но с Людой все было иначе. Она вела се-

бя так, будто иначе и быть не могло, и все, что она делает, – правильно. Это завораживало. Она считала себя настолько правой и так спокойно держалась этой мысли, что ее начинали держаться и все остальные. И он тоже.

Та ночь окончательно убедила Диму в том, что они созданы друг для друга. Сантиментов не было. Не было и смущения. Не было вообще ничего из тех условностей, которые придумывают для себя мужчина и женщина, впервые ложась в одну постель. Никаких неловких жестов, банальных фраз, поддельных страстей. Она как будто знала все, чего ему хотелось. Была кротка и горяча, покорна и нежна, кстати разговорчива и еще более кстати – молчалива. И вот что странно – в самые пиковые моменты Люда не закрывала глаз, не сводила с него слегка затуманенного взгляда, в отличие от прежних подружек, даже самых раскованных и смелых. Этот взгляд завораживал его, почти пугал и притягивал так сильно, что весь последующий день Дима, не видя возлюбленной, мучился от ощущения, будто что-то потерял.

После нескольких встреч – все на той же квартире – Дима предложил ей переехать к нему. С ним такое было впервые и равнялось предложению руки и сердца. Люда с удивленной улыбкой отказалась.

– Зачем? Ведь есть эта квартира. Тебе и до работы отсюда ближе, чем от своей.

– Но твоя подруга... – начал было он, но девушка перебила:

– Марфа не вернется еще несколько лет, если вообще вернется. Она сейчас возглавляет отделение фирмы в Мюнхене, и сам понимаешь – у нее свободной минуты нет. Если хочешь жить со мной – будем жить здесь. Мне так удобнее, я привыкла к этому дому. И потом... Если я перееду к тебе, мне захочется что-то переделать, переставить, а мужчины этого не любят.

Она улыбнулась, и он согласился, как соглашался со всем, что предлагала Люда. Правда, так было удобнее во всех отношениях, да и квартира не шла ни в какое сравнение с его собственной.

Обстановка сдержанная – никакой кричащей роскоши, все самое необходимое, и только. Но это «необходимое» пахло большими деньгами. Мебель из светлого дерева, или из бамбука, или плетенная из соломки. Только натуральные материалы – камень, кожа, лен... Красные шторы в спальне его раздражали – рваные какие-то, больше похожи на дерюжки, но Люда как-то сказала ему, во сколько эти дерюжки встали покупательнице.

– Ты не поверишь – ведь сейчас в Москве можно купить все, а эти ткани Марфа привезла из Германии. Здесь нет ничего похожего.

– Зачем было так беспокоиться? – спрашивал он, с почти-тельным, но настороженным удивлением оглядывая эту просторную двухкомнатную квартиру, которая должна была заменить ему дом. – Подумаешь – занавески!

– Она так хотела. – Люда слегка улыбнулась. – Чтобы квартира была красная, оригинальная, натуральная, чтобы удивляла и немного даже пугала. Чтобы была не как у всех. А если Марфа чего-то хочет... Легче остановить поезд, поставив на рельсы ногу.

– А ты не такая?

– Да все женщины такие! – И она внезапно его поцеловала. Ее поцелуи были такой редкостью – правда, не в постели, – что Дима воспринял это событие как нечто из ряда вон выходящее и оторопел. После он часто вспоминал ее слова: «Да все женщины такие!» – и думал, действительно ли она так считает или просто решила посмеяться – вопреки своему обычаю. Смеялась она редко.

Люда казалась ему олицетворением рационального, расчетливого начала, и признаться – ему это в ней нравилось. Сам он был слегка безалаберным – это признавали все. Два высших незаконченных образования, пять смененных мест работ, подружки, неопределенная зарплата... Люда внесла в его жизнь закон и порядок. Три года прошли как три дня – он их почти и не заметил, зато почти и не имел проблем. Незаметно, но настойчиво она подталкивала его вверх по карьерной лестнице. Умудрялась, не зная ни единого его сослуживца в лицо, дать всем точные и обстоятельные характеристики и, что еще важнее – посоветовать, как обращаться с тем или с этим. При чем – ни разу не попала впросак.

Дима, привыкший к самостоятельности, сперва сопротив-

лялся этому мягкому, домашнему насилию, после сделал несколько пробных опытов и... Убедился, что, не зная этих людей, его сожительница умудрилась узнать о них больше, чем он сам. Сейчас он работал менеджером в маленькой риэлторской фирме, которая в основном занималась загородной недвижимостью. Люда лишь недавно оставила работу, автоматически превратившись в домохозяйку. Ее карьера выглядела старомодно и казалась почти уникально консервативной – она с восемнадцати лет, то есть ровно десятилетие, проработала секретаршей в одной и той же строительной компании, у одного и того же начальника. В отличие от легендарной Марфы, никакого карьерного роста Люда не имела.

– Это в наши-то бурные времена! – иронически замечала она иногда. – Но мне везет, фирма не прогорела, начальник – порядочный человек. Каким был, таким и остался, деньги его не испортили. Зачем мне уходить, чего-то искать? Ненавижу перемены. Конечно, я могла бы найти место получше, где платят больше, могла бы и у себя на работе нажать на педаль, получить прибавку, у меня впечатление, что начальство давно этого ждет, но... Лень.

Дима отказывался понимать, что может быть лень получать большую зарплату, а Люда только улыбалась:

– Мне вполне хватает. Я вообще сторонница синицы в руке, всегда такой была. Если бы они хотели платить больше – предложили бы сами, верно?

– Да кто же предложит сам!

– Ну, так и не надо, – упрямо повторяла она. – Я не попрошайка. И потом, пойми – я люблю свое место, люблю покой, порядок. Я всех знаю, что-то значу и уж точно уверена, чего от кого ожидать. За деньгами не гонюсь – лучше беречь нервы.

И она умудрилась сберечь их настолько, что Дима начал сомневаться – а есть ли они у нее в самом деле? Привычное место работы Люда оставила с такой легкостью, что ему даже сделалось страшно. Тогда у Димы мелькнула мысль – а не так же легко и спокойно она оставит и его? Причем без всяких видимых причин? Ведь он был буквально сражен, когда Люда сообщила ему о своем добровольном увольнении. Даже стакан уронил – как раз стоял на кухне, наливая пиво, когда она вошла и с порога огорошила:

– Теперь я здесь порядок наведу. Хватит – напахалась на чужой территории.

Диме с трудом удалось поверить сперва в то, что подруга добровольно оставила работу, а затем – что она считает «территорию» Марфы – своей. Но Люда разбила все его сомнения с обычной невозмутимостью:

– Я же не навсегда бросила работать – это просто длительный перерыв. Мне надоело. А Марфа еще долго не появится в Москве, и могу тебя заверить – она просто счастлива, что я тут живу и присматриваю за домом.

– Может, она и от моего присмотра в восторге? – опом-

нился наконец Дима. – И как это – тебе надоело работать? Ничего подобного ты прежде не говорила!

Люда разъяснила – Марфа давно знает, что подруга живет не одна, а с женихом, и ничего крамольного тут не видит, напротив – она рада, что у Люды складывается стабильная личная жизнь. А что касается работы – у Люды на горизонте рисуется весьма интересная перспектива. И оч-чень интересные деньги, с нею связанные. Но об этом пока рано говорить.

– И вообще, – удивленно взглянула на него девушка, – что тебя не устраивает? Я буду больше заниматься домом и собой, да и тобою тоже. А деньги заработаешь ты. Неужели не хватит?

Действительно, им вполне хватало его зарплаты. Люда отлично готовила, содержала квартиру и гардероб в чистоте, не давала сожителю шевельнуть и пальцем и ни разу не упрекнула его в том, что ее-де «заело хозяйство». Дима не раз думал, что из нее выйдет (уже вышла!) идеальная жена. Его родители собственно привыкли считать сына женатым. Люда была с ними знакома, иногда перезванивалась с матерью Димы, подбирала подарки на праздники – дни рождений, Новый год... Она была членом семьи Димы, а вот он так и остался чужим для ее матери. Бесповоротно и непоправимо чужим – он это понимал и не мог себя заставить сделать еще одну попытку к сближению. Ему хватило первого опыта...

Люда долго откладывала его знакомство с матерью – боль-

ше года, считая с той первой ночи. Дима уже успел сделать предложение, получить отказ, привязаться к Люде так крепко, что жизнь без нее показалась бы ему пустой и сложной, а с ее матерью так и не был знаком. Особенно не рвался – да это было бы и странно: счастливые люди очень неохотно пускают новые лица в свой замкнутый круг, а он был счастлив. Людина мать – практически теща представлялась ему существом довольно опасным. Пока она не делала попыток поссорить парочку, но кто знает... Он решил подлизаться и накануне дня рождения «тещи» (дату выяснил заблаговременно) запасася цветами, шампанским и конфетами. Увидев подношения, Люда развела руками:

– Зря тратился. Она не отмечает дней рождений. Ну ладно, шампанское сгодится для праздника, конфеты – к чаю, а цветы – мне.

– Какие же праздники она отмечает?

– Никакие, – невнятно ответила девушка, перекатывая во рту шоколадную конфету – коробку она распечатала немедленно. – Она их терпеть не может и говорит, что все несчастья всегда случаются с нею в праздники. Из-за нее и я праздников не люблю. Как вспомню ее кислое лицо, эти приготовления, которые никого не обрадуют, телевизор с вечной праздничной мутью...

– И что – с ней действительно случаются несчастья?

Люда призадумалась и наконец, справившись с конфетой, ответила, что таких ужасов не припомнит. Ну, разве что

несчастливая атмосфера в доме – но ее устраивала сама мама, так что подозревать некого. Дима все-таки нашел способ познакомиться с «тещей» – вышло так, что та всерьез простудилась и ей нужна была помощь по дому. Люда отправилась к маме, жених последовал за нею в качестве грубой мужской силы. Навьюченный пакетами с фруктами и молочными продуктами с рынка, вооруженный сознанием своей необходимости, наконец, под прикрытием Люды – Дима был уверен в себе. Как оказалось, напрасно.

Мать Люды оказалась примерно такой, какой он ее представлял со слов подруги, – впрочем, Люда всегда была предельно точна в описаниях и суждениях о людях. Подтянутая, стройная женщина чуть за пятьдесят (Люда была единственным и поздним ребенком), с гладко причесанными короткими волосами, подкрашенными светло-русой краской, у корней седыми. Зубы слишком ровные и белые, чтобы быть настоящими. Зато настоящей была нитка жемчуга на шее (Люда оговорила как-то, что мать ненавидит бижутерию и скорее умрет, чем наденет подделку), настоящим – лихорадочный блеск ее светло-голубых глаз (у женщины опять поднялась температура) и настоящей – напряженная, звенящая нота в ее голосе, когда она обратилась к гостю.

– Я не ем фруктов, разве Люда вам не сказала? – И, не меняя тона, так же нервно обратилась к дочери: – Наверное, ты забыла. Неудивительно – сто лет у меня не была. Нужно заболеть, чтобы тебя увидеть. Сейчас поставлю чайник.

И с этого момента «теща» упорно обращалась только к дочери, игнорируя присутствие в квартире постороннего человека. Настолько «посторонним» Дима еще никогда себя не чувствовал. Он даже не мог списать подобное поведение Людиной матери на ее болезнь (не такую уж тяжелую) и уж тем более – на возраст (вовсе не преклонный). Это была явная, ничем не замаскированная неприязнь, и скрывать ее не собирались. Он едва вытерпел эту двухчасовую пытку, налился до дурноты невкусным зеленым чаем, без сахара или меда, и единственной фразой, на которую он решился, было робкое упоминание о том, что сейчас вообще многие простужаются. «Теща» ему не ответила, а когда молодая пара уходила, даже не простилась с Димой.

– Что я сделал не так? – допытывался он дома. Люда утешала его, говоря, что мама вообще трудно сходится с людьми – она еще худший консерватор и ужасная нелюдимка. Обижаться на нее глупо, а пытаться понять – невозможно.

– Я принимаю ее такой, какая она есть, – просто сказала девушка. – Да и прочих людей тоже. Знаешь, мне все кажутся то очень сложными, то до глупости простыми. Я давно не пытаюсь никого понимать – я просто принимаю.

Так что, не считая странных отношений с «тещей» и еще более странного положения с Марфиной квартирой, Дима мог считать себя женатым и вполне прочно устроенным в жизни человеком. Так все и шло до последнего времени – до тех пор, пока Люда не стала о чем-то задумываться – глу-

боко, сосредоточенно, со странной беспокойной гримаской, которую Дима видел на ее правильном бледном лице впервые. Конечно, он спросил, в чем дело. У него как-то сразу мелькнула мысль о ребенке – он даже обрадовался заранее. Ему давно уже хотелось иметь ребенка – и чем ближе к тридцати, тем сильнее. В нем просыпались неведомые прежде чувства – хотелось кого-то оберегать, с кем-то делиться опытом, стать для кого-то авторитетом. Хотела ли ребенка Люда – он не знал. Они никогда об этом не говорили. И когда он спросил, отчего она в последнее время такая странная, Люда опять-таки заговорила не о ребенке.

Именно тогда он и услышал впервые о том, что стало предметом долгих сомнений, расчетов, объектом ночных кошмаров. Он впервые услышал о том доме.

– Так, ничего, – рассеянно ответила девушка, когда Дима спросил, здорова ли она. – Сплю неважно. Нужно бы купить успокаивающий травяной сбор, когда-то мне помогал...

Однако Дима не отставал, упорно добиваясь правды, и в конце концов Люда созналась – у нее есть кое-что на душе.

– Только тебе переживать незачем, – кратко заметила она. Пришлось расспрашивать довольно долго, вытягивать по слову, прежде чем стало ясно – странная нервность и грустное лицо Люды имеют очень простую, земную подоплеку, связанную с деньгами. И с землей.

– Если бы у меня сейчас были деньги, я бы ни минуты не

думала, купила бы этот дом! – Люда говорила с несвойственной ей горячностью, сонное оцепенение разом спало. – Но денег нет! Кто же знал, о господи, что дом вдруг будут продавать?! Я буквально недавно видела хозяина, и он ни словом не обмолвился! А такие решения с кондачка не принимают! Но он же алкоголик, от него всего можно ожидать! Встречаю его на днях, и он меня ошарашивает – дом продается!

– Так ты мечтаешь стать домовладелицей? – Дима невольно заулыбался. Его смешил этот страстный порыв, направленный в такое меркантильное русло. Впрочем, он всегда считал сожительницу законченной материалисткой. Как выражалась его мать, Люда была из породы людей, «стоящих на твердой земле».

– Шутишь? – нервно бросила она. – Мне это и в голову никогда не приходило. Уж не с моими-то доходами мечтать... Но сейчас вдруг такой случай!

Дима наконец заинтересовался. У него в голове мелькнула рваная, но вполне логичная цепь мыслей. Выгодная покупка дачи – у родителей дачи нет, но есть кое-какие деньги – а если и впрямь дешево? – родители будут рады. Ну а если вариант не «золотой», то его опять же можно провести через свое агентство и получить законный процент. Чем плохо?

– Так это продает твой знакомый? И сколько просит? И за что?

Люда, закуривая и гася одну сигарету за другой, рассказала ему о доме. Земли немного, всего четыре сотки. Место –

пригород Александрова. Дом старый, лет пятьдесят ему точно будет, строили после войны. Цена... Услышав цифру, Дима поморщился. Таких денег у его родителей не было.

– Я, если помнишь, как раз занимаюсь загородной недвижимостью, так вот выслушай мнение специалиста. Твой знакомый загнул, – сказал он, глядя, как огорченно вытягивается лицо подружки. Люда явно расстроилась оттого, что он не поделил ее восхищения. – И дом старый, и туалет во дворе, ты говоришь, и участок запущен... Да и что это за участок – с носовой платок! Тебе кажется, что это выгодный вариант? За такие деньги я тебе в том же Александрове подберу два-три варианта в течение часа – конфетки! Мне помнится, какая-то дачонка у нас завалялась, с февраля продается... Куда дешевле! Хочешь, посмотрю прайс-листы?

Девушка раздраженно отмахнулась:

– Закрыли тему! Чтобы ты понял, какая штука продается, надо рассказать все, а мне неохота. Скажу одно – и цену он, конечно, заломил максимальную, и дом – не шедевр, и участок заболоченный. Там, если честно, ничего, кроме осины да ольхи, не растет. И тем не менее я бы его купила!

– Не понимаю! – искренне признался Дима. – Я тебе предлагаю квалифицированную помощь, причем даром! Уж если так потянуло к земле – надо серьезно об этом думать. Лови случай – тут дело даже не в сезоне, момент может подвернуться когда угодно! Отслеживать для тебя дачку?

– Я хочу именно этот дом, и никакой другой! – внезапно

сорвалась на крик девушка. Ее лицо исказилось и окончательно утратило живые краски, глаза сузились в две яростные голубые щели. Она ударила по столу раскрытой ладонью, будто ставя печать: – А насчет тяги к земле – заканчивай пороть чушь! У нас с мамой есть дача!

Диме еще пришлось извиняться за свое неуместное любопытство и обещать не бередить больной темы. А тема была действительно больная – он все больше убеждался в этом. Люда отдалилась от него, стала настолько замкнутой и скрытной, что порою сожителю не удавалось разговорить ее даже на самые невинные темы. Она мрачно отмалчивалась, глядя куда-нибудь в угол, а если отвечала, то невпопад, и было ясно – Люда не слышала и половины. Наконец он не выдержал.

– Ты уже вторую неделю сама не своя! Все из-за дома?! Когда его уже купят!

– Отстань, – вяло ответила она, собирая со стола посуду. Они как раз поужинали. Ел один Дима – девушка почти не прикоснулась к еде.

– Я описал этот вариант в агентстве, и все в один голос сказали, что твой продавец – чокнутый жмот и будет продавать такое барахло за такие деньги еще полгода.

Она слегка оживилась, но тут же погасла:

– Кто знает... Возьмет и купит кто-нибудь. Да и что там гадать, – Люда отвернула кран горячей воды и зазвенела в раковине тарелками, – раз он решил продать – продаст. Если

бы у меня были эти деньги!

Стопка косо составленных тарелок обрушилась, похоронив себя в мыльной пене, раковина наполнилась почти до краев – Люда ничего не замечала. Она опомнилась, лишь когда вода побежала по столу и намочила ее халат на животе. Девушка издала восклицание и завернула кран. Дима поднялся из-за стола. Он был очень серьезен. «Она ничего вокруг не замечает, говоришь с нею – не слышит. Может, не в агентство надо обращаться, а к врачу? Может, это у нее депрессия из-за того, что бросила работать?!»

– Если бы только у меня были эти деньги... – пробормотала она, вряд ли сознавая, что говорит. Дима подошел сзади и ласково обнял ее за плечи. Она глубоко вздохнула и откинула голову, прижалась щекой к его плечу. Тихонько вздохнула еще раз. Он обнял ее чуть крепче, ощущая сквозь ткань махрового халата знакомое милое тепло.

– Ты можешь мне сказать прямо, в чем заключается ценность этого дома? Что у тебя с ним связано? Ты говоришь, что давно знаешь хозяина. Ты бывала там в детстве, да? Ну, что, скажи!

Она обернулась и сама крепко обняла его – впервые за последние две недели. И прошептала ему на ухо – ее горячее дыхание дразняще щекотало Диму, – что не может сказать, никак не может! Это не ее тайна, да она почти и забыла об этом, но тут эта продажа! Все последние годы она и не думала о доме, но теперь, теперь...

– А вдруг его снесут? – Она оторвалась от Димы и быстро вытерла глаза. Он изумился – Люда плачет! – Его обязательно снесут, он, должно быть, совсем гнилой!

– Да тебе-то что!

– Мне нужны эти деньги, – вдруг сказала она. Голос звучал ровно и твердо, и Дима понял – это не простая блажь, а серьезное решение серьезного человека. И снова спросил себя – хорошо ли он знает женщину, с которой живет не первый год? Чего она хочет и почему хочет именно этого? Зачем хранит какие-то тайны, да еще чужие! Почему гнилой дом с клочком заболоченной земли становится для нее золотой мечтой, вожделенной целью?

– У тебя должна быть очень серьезная причина для покупки. – Он тоже заговорил деловито, отбросив эмоции. – Я дома не видел, но, судя по всему, это гиблое приобретение. Ты его не продашь за ту же цену, а вкладывать деньги в ремонт... Для этого надо их иметь.

– К черту дом, – сквозь зубы проговорила она. – К черту ремонт! Ты ничего не знаешь, а если бы знал... Дима!

Она подалась вперед, воодушевленная новой, внезапно мелькнувшей идеей. Бледные щеки порозовели, глаза подернулись блестящей лихорадочной влагой. Дима любовался ею и вместе с тем испытывал нечто очень похожее на страх. Он совсем ее не понимал.

– Достань мне половину суммы. – Ее голос внезапно охрип. – Достань! Продай что хочешь, возьми в долг! Я уго-

ворю мать продать нашу дачу. Она согласится, она никогда со мной не спорит, и ей дача не нужна...

Люда говорила быстро, отрывисто, обращаясь больше к себе, чем к собеседнику. Дима оторопел. Это было похоже на неудачную шутку. Достать денег? Почти двадцать пять тысяч долларов? В займы?! Он даже прикрыл глаза, а когда снова осмелился взглянуть на Люду, увидел на ее лице прежнее молящее выражение.

– Да ты с ума сошла? – еле выговорил он. – Я тебе только что объяснил, что сделка гиблая, а ты требуешь под нее денег! Мне не веришь – спроси других, спроси, кого угодно! Хоть нашего Юрия Афанасьевича – он загородной недвижимостью чуть не с советских времен занимается! В любом агентстве все – от младшего менеджера до директора – прямо скажут: «Дрянъ дача!» Ну, хочешь, я съезжу туда с тобой, сам все оценю?

– Все уже оценено. Хозяин заключил договор с агентством, там где-то у себя, в Александрове. Цену назначил сам, а они готовят документы и сопровождают сделку. Он сказал, что его обнадежили – место довольно бойкое, можно продать за эту цену. – Она кусала губы и была очень похожа на загнанного зверя. Но кто ее гнал? Кто или что? Люда принялась было опять за посуду, но тут же выронила тарелку и низко склонилась над раковиной. Послышался всхлип.

– Ничего. – Она отодвинулась от Димы – тот попытался погладить ее по плечу. – Я сейчас успокоюсь. Если бы ты

знал, что я сейчас переживаю! Вот в такие моменты и решается судьба. Нет, я уже не плачу, нет... Из-за каких-то паршивых пятидесяти тысяч долларов я могу потерять...

– Что?

Но Люда не желала продолжать. Во всяком случае, не в этот вечер. Еще двое суток он ничего не слышал о доме, зато видел, как она теряет вес и аппетит, как бродит по квартире, будто привидение, и все у нее валится из рук. Или часами сидит в кресле перед телевизором, ничего в нем не видя, и меняет позу лишь для того, чтобы стряхнуть пепел с сигареты.

К тому времени у него осталось одно желание – узнать всю правду о доме! Люда так явно не желала что-то договаривать, что в нем разгоралось раздражение и любопытство. Правду он узнал только после долгих расспросов, уговоров и даже клятв – никому ничего не говорить. А когда узнал – оцепенел. И уже на другой день принял решение – добыть недостающую для покупки сумму, продав свою квартиру. Он был как во сне и даже не мог припомнить, что наговорил родителям, когда просил прописать его к ним, как оправдал свой поступок, да и оправдывал ли? Когда ему становилось страшно, он опирался на хладнокровие, вернувшееся к подруге вместе с надеждой завладеть домом. Она уверила его, что Дима в любом случае ничего на этой сделке не теряет, даже если план не выгорит. Не выгорит...

* * *

– Москва! – Его ласково погладили по щеке, слегка ущипнули за мочку уха. – Соня! Смотри – отправлю обратно в Александров!

Он поднял тяжелую со сна голову. В проходах уже стояли пассажиры, за окнами медленно тянулись освещенные московские перроны. И весь прошедший день показался ему сном – странным и как будто чужим. Но рядом стояла готовая к выходу Люда, и уж она-то сном не была. Девушка улыбнулась и тихо добавила, глядя на его заспанное лицо:

– Я бы на твоём месте плясала от радости.

Глава 2

Он дремал в метро, клевал носом в лифте и упал на постель, едва скинув ботинки. Сон был беспокойный, неглубокий – Дима слышал все, что делается в квартире. Людины шаги, тихий звон посуды на кухне, шум воды в ванной, бормотанье телевизора. Раз ему показалось, будто Люда что-то напевает, но скорее всего это ему приснилось – подруга никогда не пела, и он не знал, умеет ли она это делать. Ночь прошла, как несколько минут, и когда утром его разбудил назойливый звонок мобильного телефона, Дима чувствовал себя совершенно измотанным. Тело ломило, во рту застоялся вкус пива и пиццы, но хуже всего было сознание того, что он совершил глупость. Причем очень серьезную.

Дима взглянул на определитель номера. Звонила мама. Обернулся – Люда мирно спала рядом на широкой постели, подтянув к груди колени, собравшись в уютный калачик – такая свежая, безмятежная, даже во сне уверенная в своей правоте. Диме стало как-то легче при одном взгляде на нее, и он, собравшись с силами, взял телефон.

– Да, мам, да! – Он босиком прошел в гостиную, дернул плотные красные шторы, впуская в комнату бурное весеннее солнце. Утро было чудесное, зелено-золотое. Маленький, замкнутый с четырех сторон домами двор кипел ранней апрельской зеленью, звенел детскими голосами. Ди-

ма приоткрыл створку окна, и его обдало свежим, ласковым ветром. Он окончательно пришел в себя. – Я хотел вчера позвонить, но очень устал. Все в порядке.

– Ты уверен? – взволнованно переспросила мать. Собственно, это она поддержала сына, когда он огорошил родителей заявлением о продаже квартиры и покупке дома, уговорила мужа, да и саму себя – и теперь страшно переживала за исход сделки, чувствуя свою ответственность. – Эти риэлторы такие жулики!

– Мама, ты забываешь, что я сам риэлтор! – засмеялся он. – Не беспокойся, я просмотрел все документы на дом и землю. Они в полной исправности. Свидетельство о госрегистрации права получу недели через две – быстрее и волшебник не сделает. Не волнуйся.

– Легко тебе говорить! – Ее голос из напряженного сделался плаксивым. – А я две недели не сплю!

– А я месяц. Мам, все позади. Я теперь домовладелец.

– Зато у тебя нет квартиры! – парировала она. – Хотела бы я взглянуть на это сокровище в Александрове! И отец, между прочим, тоже туда рвется, хотя сам тебе не скажет. Ты же знаешь его! Такой упрямый!

Дима почти ее не слушал. Ему впервые пришло в голову, что уговорить родителей прописать его к себе и наврать им что-нибудь про выгодную покупку – это далеко не самое трудное. Худшее было впереди. Родители не должны были появляться на этом участке! И как им это объяснить – двум

уже не очень молодым горожанам, никогда не имевшим дачи и рвущимся на природу? Как им это скажет сын, который, собственно, и купил-то эту дачу на их деньги – ведь проданная квартира когда-то принадлежала бабушке с папиной стороны... И он не пустит на дачу отца? Не покажет дом матери?

– Почему ты молчишь? – встревожилась женщина, догадавшись, что сын ее не слушает. – Ты здесь?

– Я слушаю, – оправился Дима. – Мам, я и сам не знаю, когда туда выберусь, столько работы! Честно говоря, некогда. Потом, мне все-таки хочется сперва получить свидетельство о регистрации. Тогда уж точно – конец.

– Но хозяин отдал тебе ключи?

– Да-да, целую связку!

– Хорошо, – немного успокоилась мать. – Он точно там уже не живет?

– Что ты, мам, дом пустой. Он там и не жил.

– Господи, – вздохнула она. – Не было у бабушки забот – купила порося... Не представляю, за что теперь браться в первую очередь, у меня ведь никогда не было дачи! Мне бы хоть взглянуть! И потом, я бы взяла туда Ирму, она такая дачница, все знает, может дать совет. Знаешь, завези-ка мне ключи, я заеду туда с нею!

Дима похолодел. Еще и Ирма! Это была ближайшая подруга матери, и надо сказать, мужчины – и отец, и сын – испытывали к ней смешанные чувства. Ирма имела громадное,

почти неограниченное влияние на подругу. Она была безусловным авторитетом, которому мать охотно подчинялась. Нельзя сказать, что Ирма всегда и во всем оказывалась права, но если ее ошибки и становились очевидными, их не обсуждали – мать обиделась бы за подругу. Они дружили чуть не с детских лет, и уже тогда, в давние времена, установилось господство Ирмы над матерью, которая в ту пору еще ничьей матерью не была, а только репетировала эту сложную роль, укачивая дешевую лысую куклу.

– погоди, мама, дай мне прийти в себя! – взмолился он. – На той неделе... Я постараюсь освободиться.

– послушай, – ее голос снова стал тревожным, – я тебя тридцать лет знаю, а если считать еще и те девять месяцев, за которые ты меня тошнотой замучил и по зубным врачам загонял... У тебя что-то случилось, верно? Не говори «нет»! Я по голосу слышу!

Дима и не собирался отвечать. Он промолчал – мать действительно обладала особым чутьем во всем, что касалось его настроения. И вот сейчас безошибочно почуяла его растерянность.

– Ты не хочешь показывать мне дом! – твердо сказала мать. – Ты не хочешь, чтобы я возила туда Ирму! Ты что-то скрываешь!

– Ничего!

– Еще как «чего»! – оборвала она сына. – Сознавайся – тебя обманули, да? Подсунули гнилую развалюху?

– Мам, я могу перепродать эту развалюху за те же деньги хоть завтра, – солгал Дима. – За что меня на работе держат да еще премии в конвертике дают?

– Ну, тогда не знаю, – слегка стушевалась женщина. – Если со сделкой все в порядке и ты доволен, тогда... Ты поссорился с Людой?!

– С нею невозможно поссориться, – успокоил он мать. – Она тоже очень довольна, просто расцвела. Ты не переживай, все в свой черед, увидишь ты этот дом. Он тебе еще надоест.

«Надо как-то договориться с Людой, надо ее убедить, что родители должны там побывать хоть пару раз. А то получается какая-то дичь. В жизни не чувствовал себя такой сволочью. Мать места себе не находит, а я только и думаю, как половчее соврать!» Однако его довольно неуклюжая ложь все же принесла плоды – мать вздохнула и сказала, что он волен делать все, что хочет – квартира-то, в конце концов, была завещана ему и деньги от ее продажи Дима может девать куда угодно. Главное, чтобы он был счастлив.

Последние слова прозвучали как-то не очень оптимистично, и Дима понял – мать все же ему не поверила. Он повесил трубку с тяжелым сердцем и, вернувшись в постель, накрылся с головой, как в детстве, когда хотел забыть что-нибудь неприятное. В конце концов ему даже удалось задремать и увидеть нечто вроде сна. В этом зыбком, текучем сне все мелькало и путалось, как будто он видел наслоенные друг на друга разные изображения, но неизменным остава-

лось одно лицо, которое появлялось все чаще и приковывало к себе взгляд все настойчивее. Лицо принадлежало мужчине лет пятидесяти или чуть старше. Вытянутое, бледное, с шафранной желтизной под пронзительными светлыми глазами, очень подвижное и нервное лицо. Длинный крючковатый нос, чувственные, криво усмехающиеся губы с опущенными уголками, сдвинутые брови – кустистые, рыжеватые, местами вылезшие, словно от какой-то тяжелой болезни. Борода и усы тоже рыжеватые и тоже изрядно поредевшие, словно побитые молью. Высокий лоб, иссеченный морщинами, задумчивый, угрюмый и недобрый взгляд, искры, то и дело вспыхивавшие в его полуприкрытых припухшими веками глазах, – все это уже снилось Диме не раз, и это всегда были странные, тяжелые и тревожные сны. Он не рассказывал о них подруге. Она бы посоветовала принимать успокоительное, набрала бы ему перед сном ванну с травяным настоем, но это не смогло бы защитить Диму от этого сна. Чем больше он нервничал по поводу дома, тем чаще ему снился этот человек. Он даже начинал подумывать о том, чтобы обратиться к врачу – когда все кончится, конечно...

– Ты кричал. – Люда склонилась над ним, ее распущенные волосы свешивались Диме на лицо, щекалели ему шею и грудь. – Я ничего не разобрала. Вроде прогонял кого-то. Не меня, надеюсь?

– Что ты, – пробормотал он, прижимаясь к ней – такой

милой, теплой, своей. «В моем возрасте глупо бояться снов! Разнюнился, как мальчишка, стыдно!» На самом деле стыдно ему не было. Тепло и уютно – да. Спрятаться вот так, под одеялом, рядом с тем, кто тебя любит и защитит от... «Плохих снов, договаривай уж! Ты боишься, что он снова тебе приснится, вот тебя и знобит, вот и кричишь не разбери что, а потом слушаешь, как колотится сердце – будто стометровку пробежал. Ты трус, нет – хуже. Ты боишься того, чего даже последний трус не стал бы бояться. Боишься несуществующего!»

– Я сейчас встану, приготовлю завтрак, – потянулась было девушка, но Дима остановил ее, обнял, спрятал лицо в ее спутанных волосах:

– Брось, я не голоден. Побудь со мной, просто побудь!

– Да я здесь, – проговорила она чуть удивленно. – Ты не выспался? Плохие сны?

«Ах, как она права! Почему бы не рассказать? Рассказала же она мне о том, во что далеко не всякий поверит, а уж тем более – квартирой пожертвует! А я поверил! Не испугалась же она, что я приму ее за идиотку!» Но рассказывать очень не хотелось. Просто как-то не могло – он чувствовал, что человек из сна не хочет этого. «Вот это точно бред! И нормальному человеку об этом говорить нельзя. Люда-то рассказывала о вполне земных вещах!»

– Не помню. – Он слегка отстранился, закрыл глаза. – За эти дни я так устал! Как подумаю, что завтра рано вставать

на работу – тело немеет.

– Немеет? – серьезно переспросила она. – Надо показаться врачу.

– Надо отдохнуть, вот что! Поехать на море, на юг, туда, где нет гнилых болот, дождей, слякоти и сырости...

– Ничего невозможного тут нет. – Она говорила спокойно и взвешенно, игнорируя его нервную, почти истерическую интонацию. И это, как всегда, успокаивало взвинченного приятеля. – Вот управимся с делами и поедем. И не в Сочи, не в Крым, а куда-нибудь в такое место, где отдыхают очень богатые люди. Где песок на пляже просеивают через сито и в умывальнике есть третий кран – для родниковой воды. И там я уже буду не совсем я, а ты – не совсем ты. Потому что мы тоже станем очень богатыми людьми.

Последние слова она проговорила почти шепотом.

Дима открыл глаза. Да, это, во всяком случае, не было сном. Спальня, выдержанная в красных тонах, любимых тонах загадочной Марфы, женщина рядом, которая шепотом обещает ему богатство, и главное – вчерашняя сделка на его имя.

– Мне пока не верится, – тоже шепотом сказал он. – Так не бывает. Во всяком случае, не со мной. Не с такими, как я.

– А какой ты?

– Я обычный человек. Не гений, но и не тупица, что-то знаю, что-то умею... И все. Чудес в моей жизни не предусмотрено.

Она рассмеялась – негромко, но сочно. Встала с постели, набросила на плечи короткий халатик, пригладила перед зеркалом волосы.

– Не бывает? Ты все решил за Господа Бога? Или когда-то ходил к хорошей гадалке? И потом, какое же это чудо? У меня была информация, но не было нужных денег. Взять негде, да еще надо торопиться... И как раз ты согласился помочь. Как же я не возьму тебя компаньоном? И потом... – Она задумчиво посмотрела на Диму, который ловил каждое ее слово. – Потом, одной было бы трудно. Я бы не справилась.

И Люда отправилась на кухню. Вскоре оттуда раздался скрежет кофейной мельницы – электрических она не признавала, молола зерна вручную. Дима сел на кровати. Голова немного кружилась. «Весна, нужно принимать витамины. И я совсем измотался, пора идти к врачу. Эти сны меня изматывают. Какой там отдых!»

Чашка кофе привела его в себя, и он поведал Люде о разговоре с матерью. Та выслушала с небрежной улыбкой, допила кофе и сказала, что ни о чем волноваться не надо. Она все устроит.

– Если ей хочется съездить в Александров – пусть едет, хоть с десятком подруг. И даже лучше, если поскорее, пока мы ничего не начали. Пусть посмотрит, покритикует – ей легче станет. А дальше уж мое дело, как ее отстранить.

– Ты думаешь, получится?

– В таких случаях лучше всего упираться на свое слабое здо-

ровье, – авторитетно сказала Люда. – Совру, что доктор прописал мне свежий воздух и полный покой. Мама поверит – она сама всегда замечала, что я очень бледна. Кстати, почему бы не свозить ее туда прямо сегодня?

Дима аж подскочил:

– Сегодня?! Ты как хочешь, а я не поеду! У меня все тело ломит, а голова такая, будто я вчера напился!

– А ты и выпил немного. – Люда уже мыла посуду. Ее светлые, чуть влажные после умывания волосы светлой волной лежали на спине, и Диме, как всегда по утрам, захотелось поиграть ими, сжать в кулаке, почувствовать, как между пальцами льется их чистый тяжелый шелк. Он любил эту утреннюю, чуть сонную Люду и именно утром чаще всего желал ее. Но сейчас желание не просыпалось. Все заслонял дом – он разрастался в сознании чудовищной опухолью, мешал думать о другом, мешал жить.

– Я сама с ней поеду, если хочешь. – Люда методично ставила в сушку чашки и тарелки, и от этого мерного звона голова у Димы болела еще сильнее. Посуды накопилось много – в последние дни Люда совсем забросила хозяйство. – Нехорошо, если она явится туда в самый пиковый момент, когда мы... Словом, я еду, а ты...

– Конечно, нет!

...И конечно, он поехал. Люда никогда не спорила, не настаивала на своем, напротив – спокойно соглашалась с его решениями. Он сам их менял, прекрасно сознавая, что она

права.

– Та-ак, – протянула Ирма, и после выразительной паузы повторила: – Та-ак.

Это слово вроде бы ничего не означало и вместе с тем прозвучало исчерпывающе. При этом нужно было видеть лицо Ирмы – застывшее, как у прокурора, который в упор рассматривает обвиняемого – отпетого негодяя. Мать засуетилась, дернула сына за рукав футболки:

– Отопри дом, я хочу посмотреть внутри!

Она явно торопилась закончить осмотр участка, который ее тяготил. Ирма со страдальческим видом созерцала заболоченную землю, поросшую жидким осинником и хилыми, будто чахоточными березками. Между тонких деревьев поблескивала стоячая вода. Земля мягко, по-болотному пружинила под ногами новых хозяев, их туфли выдавливали во мху глубокие ямки, постепенно наполнявшиеся влагой. Обувь у всех промокла сразу же, как они ступили на участок, отворив капризную тяжелую калитку, сооруженную из ржавой рамы и частой сетки-рабицы.

– Отопри же дом!

Он долго разбирался в связке ключей, все больше раздражался, пробуя отпереть старый замок, который ехидно вращался в ячейке, как будто, как и прежний хозяин дома, был немного навеселе. Дима хмурился и гневно кусал губы, спиной чувствуя презрительный взгляд Ирмы и растерянный,

разочарованный – матери. Еще больше выводило из себя поведение Люды – она держалась так, будто не имела никакого отношения к этому злосчастному дому. Всю дорогу в машине – их везла Ирма – она читала какой-то женский журнал, изредка перекидываясь парой фраз то с матерью Димы, то с ним самим и совершенно игнорируя Ирму, как будто та значила не больше, чем простой таксист. Ирма злилась, отлично чувствуя этот настрой, но на конфликт не шла и сама к Люде тоже не обращалась. Дима сразу понял, что эти две женщины возненавидели друг друга с первого взгляда. Ирма, привыкшая повелевать, давать мудрые советы или, вернее сказать – приказы сразу распознала в девушке человека, который не позволит собой помыкать, а то еще, чего доброго, начнет помыкать другими. Люда при знакомстве глядела не в глаза Ирме, а чуть выше – в лоб, а улыбнуться не попыталась даже из вежливости. Ее взгляд выражал спокойное и чуть утомленное безразличие. Такой взгляд бывает у домохозяйки, которой навязывают товар, который она точно не собирается покупать. «Я тоже не в восторге от Ирмы, но Люда могла быть повежливей! – думал он. – Правда, меня тоже все время тянет ее оборвать...» Он всегда считал, что природа чересчур щедро одарила Ирму начальническими замашками, начисто отняв чувство меры и понимание разницы между своими проблемами и чужими. Ирме было дело до всего, и порой эта неугомонная воительница, которой по ошибке досталась от рождения ангельская, чуть сусальная

внешность – синие глаза, загнутые ресницы, крохотный рот сердечком, – превращалась прямо-таки в беса.

Наконец он справился с замком, так упорно не желавшим впускать нового хозяина, и вошел в дом, который перед покупкой так толком и не осмотрел. «А зря! – мелькнуло у него в голове при первом же взгляде на кухню с низким дощатым потолком, куда попадали прямо с крыльца. – Я бы заставил Люду хоть немного прибраться, прежде чем кому-то это показывать! Воображаю, что сейчас запоеет Ирма!»

Однако Ирма не то что петь – даже говорить ничего не стала. Она обошла кухню молча, так же молча осмотрела маленькую, примыкавшую к ней комнатку, где, судя по единственной мебели – топчану, заваленному тряпьем, – прежде была спальня хозяина. Затем поднялась по лестнице на второй этаж, за нею в полном смятении чувств, постоянно оглядываясь на Диму, последовала и мать. В ее глазах ясно читалось: «Какой кошмар!» Вскоре над головами у молодых за скрипели доски – это закадычные подруги осматривали наверху захламленную комнату со скошенными стенами. Оттуда доносился только скрип досок – ничего больше.

– Они молчат, – шепотом сказал Дима.

– Ты хочешь сказать – Ирма молчит, – во весь голос, ничуть не стесняясь, ответила Люда. – Твоя мама, я смотрю, при ней и слова сказать не смеет!

– Тс-с!

– Да и ты тоже! – с презрением бросила она, воинственно

закидывая подбородок. Ясные глаза разом сделались жесткими и холодными. – Что она за птица такая?

– Вы все меня достали! – неожиданно сорвавшись, выпалил Дима, сжимая руки и чувствуя, как ногти впиваются в ладони. – Бабье – одно слово! Вам сразу надо завести склоку! Не нравится тебе Ирма – и что теперь?! Я ее тоже не выношу, сам не знаю за что! Тебе с ней не жить, так что закрой тему! У меня и так нервы на пределе!

Она как будто хотела что-то ответить, потом отвела взгляд, слегка пожала плечами и отошла к окну. Постояла, глядя на заросший палисадник, выходящий в узкий переулок, где не разъехались бы две машины. Открыла форточку, впустив в дом весенний воздух, глубоко вздохнула и тихо сказала, что признает свою вину. У нее, видно, и у самой нервы расшатались.

– Я же всегда извиняюсь, если виновата!

– Тогда и меня прости, – сразу остыв, попросил Дима. – Меня все здесь раздражает, и ты права – Ирма ходит с таким лицом, будто в дерьмо наступила. Мне мать жалко – та ей напоят, а она будет переживать.

Вскоре к ним спустилась похоронная процессия – иначе это и назвать было нельзя. Ирма шла, поджав губы, опустив сумрачные глаза, будто сопровождала гроб. У матери было застывшее лицо человека, который покорился злой судьбе и решил выпить горькую чашу до дна.

– Здесь не убрано, – начал было Дима, но мать остано-

ла его выразительным жестом, призывающим к молчанию. Это и в самом деле все больше напоминало похороны. Люда не собиралась оживлять разговора. Она поправила волосы перед маленьким настенным зеркальцем, пошире открыла форточку и отдернула в сторону цветастую ситцевую занавеску с клубничным узором. Первой не выдержала Ирма. Она и так держала паузу слишком долго – ее стесняло присутствие незнакомки, «Диминой невесты».

– Сколько же здесь соток, если не секрет? Три, я думаю? Все так заросло этой мерзкой осиной, что и заборов не видеть. Как это землемер пробрался!

– Четыре, – сдержанно ответил Дима. Ссориться с Ирмой он не собирался – себе дороже, да и мать расстроится. Однако короткая отповедь Люды его основательно уязвила. Это он-то боится Ирмы? Этой вьедливой языкастой бабы, которую природа по ошибке наградила внешностью кроткого ангелочка с пасхальной открытки? Он боится ее, как боялся в детстве, потому что Ирма заботилась о его здоровье и мама из-за этого не покупала ему мороженого, не разрешала есть леденцы на палочке и записывала в одну спортивную секцию за другой (спорт он ненавидел)? Он боится ее?!

– Четыре? – Ирма вскинула на него синие, даже к шестидесяти годам не поблекшие глаза. – А кажется меньше. Это болото... Прямо комариный питомник. Сейчас апрель, еще терпимо, но меня вроде бы уже кто-то укусил. А что тут будет в мае?!

– Болото можно осушить, – негромко предположила мать, но ее робкая инициатива тут же была осмеяна. Ирма авторитетно заявила, что такое болото осушить невозможно, и даже если на это ухлопают уйму труда и времени, не говоря о деньгах, от комаров избавиться не удастся – тут низина.

– И что-то я не заметила тут плодовых деревьев, – заключила она свой агрономический анализ. – Наверняка гибнут. Так что я не знаю, Танечка, что ты тут вырастишь.

– Я почему-то мечтала о розах, – еле слышно сказала мать. И тут Дима не выдержал. Он разозлился на Ирму, которая явно наслаждалась поражением подруги и попутно смаковала свое превосходство – у самой-то дача была отличная – двадцать соток, альпийские горки, сортовые деревья и кусты, цветники... Разозлился на Люду – та, будто не слыша разговора, все еще глядела на улицу. И еще он злился на себя – как можно было так подставить мать, вдребезги разбить ее мечту о доме и земле, подсунув это гнилое болото и покосившийся дом, насквозь пропахший застарелым перегаром и грязным бельем?! «Люде лишь бы добиться своего! Отвадить отсюда маму раз и навсегда! А мне что делать?!»

– Мам, розы лучше покупать в цветочном магазине, – с деланной веселостью произнес он. – Это я беру на себя.

Та искоса взглянула на сына и снова отвернулась. Даже по ее спине было видно, что женщина очень расстроена, выбита из колеи. Дима не ожидал, что мать возлагает на эту покупку такие надежды – розы, подумать только... «Она никогда не

тянулась к земле и только изредка говорила, что неплохо бы иметь дачу! Но это говорилось так, на ветер...» Он сделал еще одну попытку утешить мать:

– погоди, когда мы расчистим участок и приберем дом, тут станет веселее. Я же говорил – не надо спешить!

Сзади легонько кашлянула Люда. Он понял намек и замолчал. «Нельзя подавать маме надежды. У этого дома не будет никакого светлого «завтра», он куплен не для этого. Но как мне сказать об этом маме? Я же дал слово молчать, да и сам понимаю, что нельзя... Даже если скажу, она не поверит. Я и сам с трудом верю... Нет, когда Люда рядом – верю!»

– Мое дело сторона, – язвительно заметила Ирма, – но мне кажется, что веселее тут никогда не будет. На мой взгляд, все надо сносить и зачищать до основания – дом-то покосился и подгнил. И неудивительно – построено в таком топком месте! Кстати, надо выяснить, откуда тут вода. Может, где-то канализационная труба дала трещину? На участке нехорошо пахнет, ты обратила внимание, Танюша? И сам участок – я бы завезла сюда пару самосвалов с песком, как минимум, а уж потом... Потом-то все горе и начнется – постройка, сбор всяких бумажек, планировка сада, закупка саженцев, посадка, уход... У меня аж голова кругом идет, как подумаю! Ни за что бы не взяла такой участок, даже даром! Сколько ты заплатила? Двадцать пять? Переплатила, милая, тебя просто ограбили, провели, как дурочку!

– Пятьдесят, – поправил ее ровный молодой голос. Люда

заговорила с нею впервые, так что Ирма даже вздрогнула и сбилась.

– Что? – видимо, нервничая, переспросила она.

– Пятьдесят тысяч долларов, – так же невозмутимо и оскорбительно-вежливо повторила молодая женщина. – Столько мы заплатили за наш дом.

Она выделила тоном слова «мы» и «наш», четко проводя границу между своим и чужим – границу, которую Ирма ни за что не согласилась бы признать. «Вот так и начинаются войны, – следил за ними Дима. – Пока они принохиваются друг к другу, но дай срок – сцепятся!»

– Людочка дала половину суммы... – торопливо вставила мать. – Вообще-то, что я тут расстраиваюсь, это дело молодых, мне все равно поднять такое не под силу. Они хотели купить и купили. И слава богу!

Она отчаянно пыталась сохранять бодрый тон, видя, как напряглась и потемнела лицом ее подруга. В эту минуту Ирма вовсе не была похожа на ангела, пусть даже чуть побитого жизнью. Она злилась, и при этом кукольная миловидность ее увядающего лица казалась жутковатой, будто приклеенная маска.

– Да мне какое дело, – сдавленно произнесла Ирма, меряя взглядом молодую соперницу. Та в это время озабоченно созерцала паутину в углу. – Если ты так на это смотришь... Но это выброшенные деньги, вот мое мнение. Я просто не понимаю, как можно платить за такое убожество! Я бы заплатила,

чтобы никогда этого не видеть!

– Я бы тоже, кажется, заплатила, чтобы вы этого не видели, – поддержала ее Люда. Ее голос опасно зазвенел. – Могу прямо сейчас. Сколько вам дать, чтобы вы уехали?

Дима машинально закрыл глаза. Что слишком, то слишком. Ирма могла быть навязчивой, бестактной, порою грубой, но злой и подлой – никогда. Она была искренне привязана к подруге, поддерживала ее в трудные минуты, и сам Дима не мог не признать – во время его детских болезней Ирма всегда появлялась у них в доме и дежурила у его постели. Своих детей у нее не было.

– Люда! – Голос матери заставил Диму открыть глаза. Он увидел застывшую Ирму с поблекшим лицом, ошарашенную мать и свою невесту, больше всего напоминающую натянутую струну. Тронь ее – зазвенит. – Люда, что ты говоришь! Ты что – обиделась?! Ирма! Не слушай ее, пожалуйста...

– А я не слушаю, – странным скрипучим голосом ответила Ирма и хотела было добавить что-то еще, но ее прервал звонкий голос молодой соперницы:

– А почему вы не слушаете? Я к вам, между прочим, обращалась. Это невежливо – приходить в чужой дом, все критиковать, попросту ругать, выставлять хозяев дураками, читать нотации! Вы ждали, что мы скажем вам спасибо? Я, знаете, не привыкла так реагировать на хамство.

– На... – задохнулась Ирма.

– На хамство! – чуть не по слогам повторила Люда. Дима

снова прикрыл глаза. — А хуже всего, что это хамство доставляет вам удовольствие. Я следила за вами. Вы так и искали, что бы обругать. В таких случаях полагается врать из вежливости, что дом хороший или просто уйти от ответа, если спросят, но вы сразу приехали сюда с намерением все охаять. Это противно!

— Люда! — Мать приложила ладони к пылающим щекам. — Что с тобой?! Ирма, не слушай ее, я не понимаю, она никогда такой не была... Дима, повлияй на нее!

— Татьяна Сергеевна, я еще здесь и в полном сознании, — напомнила Люда. — Не надо говорить обо мне в третьем лице.

— Что с ней сегодня! — простонала мать. Но тут опомнилась Ирма. Она развернула плечи, будто готовясь к бою, достала из кармана куртки ключи от машины и решительно заявила, что уезжает немедленно, и если Таня хочет — может ехать с ней.

— Но конечно, если тебе тут нравится...

— Иди, я догоню. — Мать торопливо выпроводила подругу и, прикрыв за нею дверь, обернулась к сыну. Люду она старалась не замечать. — Что ты со мной сделал! Я же от стыда сгорела!

— А что я с тобой сделал? — буркнул он. — Я вообще молчал.

— Вот именно! Молчал!

— Пока я оскорбляла вашу подругу, это вы хотели сказать? — вмешалась Люда. Ее щеки слегка порозовели — она

впервые вступила в настоящий конфликт с «будущей свекровью». – А почему вы молчали, когда она оскорбляла нас? И вас тоже, кстати.

– Ирма никого не оскорбляла!

– Она прямо назвала вас душой!

– О господи, ты как с цепи сорвалась! Раньше ты такой не была!

– Я всегда была такой! – парировала Люда. – Просто вы меня никогда не злили!

– Я... Я тебя злю?!

Мать еще раз оглянулась на сына. Тот слегка развел руками, показывая, что ничем помочь не может. Он и сам не знал, играет сейчас Люда или выказывает свои истинные чувства. Зато что значит для нее этот дом – он знал отлично. И знал также, как ей важно, чтобы здесь не бывали посторонние. «Я вижу, чего она добивается от мамы, и должен молчать. Она хочет, чтобы мама сказала что-то вроде «ноги моей здесь не будет». Если бы я знал, что все будет так ужасно! И ведь сумела раздуть ссору из мелочей...»

– Если я тебя злю, – не дождавшись поддержки, проговорила женщина, – нам лучше видеться пореже.

Люда не ответила – ни словом, ни жестом. Она опять созерцала паутину в углу. Пустую паутину – в этом заброшенном доме, казалось, вымерла даже такая мелкая жизнь.

– Извини, что навязалась, – теперь женщина обращалась к сыну. – Больше я сюда не приеду. В самом деле – зачем

тебе мои советы? Ты же умнее, опытнее. И советчица у тебя уже есть!

Она кивнула на Люду. Дима поморщился:

– Ну перестань, мам! Ведь все вышло из-за Ирмы! К ней надо привыкнуть, а Людка...

– Нет-нет! – Мать сделала отстраняющий жест. – Я больше ничего не слышу. Я все поняла. Спасибо за теплый прием, буду помнить.

Он не мог поверить, что мать уйдет именно на такой фразе, но так она и поступила. Ушла, не обернувшись, не спросив сына, надолго ли он здесь задержится, не попрощавшись... Это мама-то – всегда мягкая, ведомая, бесконфликтная! Было ясно – она обиделась всерьез. В этом же убедилась и Ирма, уже сидевшая за рулем своей «Тойоты» с таким видом, словно ее смертельно оскорбил весь мир и она уже придумала, как с ним рассчитаться. Татьяна, хлопнув дверцей, уселась рядом и спрятала пылающее лицо в ладони.

– Ужас, – проговорила она, когда машина тронулась с места. – А я-то относилась к ней как к родной! Представляешь, только вчера купила ей белье, хотела взять с собой, подарить... Хорошо, что забыла! – с обидой воскликнула обычно миролюбивая женщина.

– Ты уже и белье ей покупала? – удивилась Ирма, иронически косясь на подругу. – Золотая была бы из тебя свекровь! Дорогое?

– Среднее, но очень милое, – вздохнула Татьяна. – Немец-

кое, знаешь, в их лучших традициях – без наворотов, но женственное. Еще и фигуру подтягивает – не все же мы стандартные... Словом, знала бы – купила бы свой размер!

– Спорим – «Фелина», – авторитетно заявила подруга, сворачивая на шоссе и ударом по клаксону пугая зазевавшегося пешехода.

– Точно! – удивилась Татьяна, успевшая немного опомниться от свежей обиды. – Как угадала?

– Сама ношу, – лаконично ответила подруга, которую никогда не удавалось удивить новостями из мира моды. – Хорошо, что ты его забыла. По-моему, у нас с твоей Людой один размер, так что я, может, заберу...

И пока Татьяна раздумывала над тем, так ли уж это хорошо, машина влилась в поток, направлявшийся по шоссе в сторону Москвы.

Диму тяготило повисшее после ухода матери молчание, а еще больше – что Люда не собиралась его прерывать. Он взглянул на подругу. Та была серьезна и снова бледна – кровь отхлынула от щек, краткое возбуждение улеглось.

– Ты довольна?

– Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц.

– Это мать-то – яйцо?!

– Не придирайся к словам, мы не в детском саду.

Завтра ты извинишься, а она остынет и простит. В конце концов, она обиделась на меня, а не на тебя.

– А ты не извинишься?

– К сожалению, нет. – Она грустно усмехнулась. – Пусть она думает, что я все еще дуюсь, а то придет сюда опять. А ты говори, что я этого не хочу, что ужасно обиделась. Вот мы и добились своего, смотри-ка! А я-то голову ломала, как все устроить! Жизнь умнее нас.

– Но у меня на душе погано. – Он уселся на пыльный табурет и облокотился было о стол, но тут же брезгливо снял локоть с липкой клеенки в бурых пятнах. – Я бы чего-нибудь выпил.

– Не советую. Особенно здесь! – неожиданно тревожно воскликнула она. Дима удивился. Не было случая, чтобы подруга отговаривала его от рюмки, тем более что алкоголиком он не был.

– Почему – особенно здесь?

– Да я вспоминаю, как спивался дядя Григорий, – призналась она, явно смущаясь. – Прежний хозяин. Это началось давно, когда я была девчонкой. Он был тогда совсем молодой... Он и сейчас не старый, просто плохо выглядит. У него умерла жена, совсем недавно поженились, и так странно умерла – от простой ангины. В горле выросла какая-то опухоль, буквально за минуты, и задушила ее. Моя же мама «скорую» вызывала – мы жили рядом. И он начал пить. Страшно пить – это было просто самоубийство. Наверх пускал жильцов, на вырученные деньги пил, работать перестал. Год за годом... Он скатывался все ниже, чуть не попрошайничал. Мама подкидывала ему кое-какие продукты, пока мы

тут жили, ну а потом мы уехали в Москву, она получила в наследство квартиру. Я и встретила-то его случайно, на Ярославском вокзале. Еле узнала. Еще удивилась, что дом до сих пор цел – думала, что он давно его пропил за копейки. Вот тут меня и забрало... Я все вспомнила, все обдумала и поняла, что стоит немного постараться – и дом будет мой! Наш, – поправилась она, чуть запнувшись. – И даже в самом худшем случае мы на этой покупке не прогадаем.

– Ты из Александрова? Отсюда? – Дима жадно слушал. Прежде его подруга не рассказывала о своем прошлом так подробно. О ее детстве и отрочестве он не знал совсем ничего, несмотря на то что они прожили вместе три года. Люда не затрагивала эти темы, а сам он не спрашивал.

– Да, до двенадцати лет мы жили здесь, за углом. Никакой ностальгии у меня, правда, нет, да и дома нашего уже нет – расселили, снесли, теперь там продуктовый магазинчик. – Она говорила задумчиво, чуть грустно, бессознательно скручивая жгутом угол цветастой занавески. Взгляд был устремлен в окно, но вряд ли Люда что-то там видела. – Так что дядя Григорий опускался у меня на глазах. Поэтому мне стало страшно, когда ты ЗДЕСЬ захотел выпить. Мне кажется, это место тебя заставляет.

– Ты и впрямь какая-то странная сегодня, – поежился он. – В мистику вдарилась?

– Не смейся. Этот дом имеет свою душу. Ауру, как полагается говорить. Вспомни, что я тебе рассказала.

– Я и не забывал. Кстати, когда начнем?

Она наконец выпустила занавеску и глубоко вздохнула, словно просыпаясь. Сейчас Диме казалось, что миг назад она действительно была в ином мире, среди теней и призраков, каким-то недобрым чудом сохранившихся в этих стенах.

– Хоть завтра. Бригаду лучше взять на строительном рынке, на шоссе их полно. Думаю, хватит трех ребят. Были бы деньги.

Деньги у Димы были. Половину суммы, вырученной от продажи квартиры, он положил в банковскую ячейку, и они ждали часа, когда их пустят в оборот. Этот час наступал. Он в последний раз спросил себя, не стоит ли все бросить, не влезать в эту авантюру, не надеяться на чудеса... И в последний раз решил надеяться. Ведь Люда не то что надеялась – она была полностью уверена в успехе.

– Завтра я съезжу в банк, – сказал он.

Люда кивнула:

– Верно, нечего тянуть. Тем более что сюда никто, кроме нас, больше не сунется. Путь свободен!

Его слух резануло это выражение, но он смолчал.

– И ты должен уволиться с работы, – деловито добавила она. – Завтра же скажи директору.

– Как?! – Ему показалось, что он ослышался. – Ты же так радовалась, что у меня все получается, ты сама говорила, что фирма хорошая и у меня там будет карьерный рост!

– Но у тебя совсем нет свободного времени, а я одна не

справлюсь. Тут нужен глаз да глаз!

– Ты не говорила, что я должен буду уволиться! – защищался он. – На что мы будем жить, если никто не работает!

– Деньги у нас пока есть, – напомнила она. – В банке двадцать пять тысяч долларов – кусочек немаленький. Я все рассчитала – нам хватит. Даже с запасом.

– Но у меня сделка на носу! Я же не получу свои комиссионные! Я всю зиму ее готовил!

– Твои комиссионные! – Она подошла вплотную и легонько, дурачась, щелкнула его по носу: – Вот тебе твои комиссионные. Такие суммы ты вскоре будешь тратить за пару дней. Не о том думаешь, родной, а еще считаешь себя деловым человеком! Неужели неясно, что из двух зайцев выбирают того, что пожирнее? Или страшно остаться безработным?

Люда еще раз щелкнула его по носу и неожиданно крепко поцеловала. А потом, переведя дыхание, сказала, что когда-нибудь они оба посмеются над тем, как легко им досталось счастье и как они сомневались – брать ли его?

– Не всем так везет, милый! Далеко не всем!

И он должен был с нею согласиться. Обняв подругу, пряча лицо в ее душистых волосах, он немного успокоился и почти смирился с мыслью об уходе с работы. Люда опять права – у него не будет времени для... Она всегда права. Как хорошо просто молчать и прижимать ее к себе, и не задавать вопросов, и ни в чем не сомневаться, как она! Дима осторожно отвел в сторону прядь светлых волос и коснулся губами

маленького шрамика за ее левым ухом. Этот короткий розоватый шрам остался с детства, после падения с велосипеда – так однажды сказала Люда. Он любил это местечко, оно его почему-то трогало и умиляло, а вот Люда терпеть не могла, когда ее туда целовали. Но на этот раз она была так погружена в свои планы, что не заметила этого краденого поцелуя, и Дима с удовольствием его повторил, а потом шепнул Люде на ухо, что не прочь бы остаться в этом нелепом месте с ночевкой. Та внезапно отпрянула:

– Ни за что!

– Но почему?

– В этой... грязи... – Она бросилась к окну, захлопнула форточку и, бегло взглянув на улицу, задернула занавеску. – Ни за что. Так и запомни – этот дом не для житья! Если ты собираешься тут жить – скатертью дорога, а я не буду! Этот дом нужно снести, и все! Для того он и куплен!

...Она хмурилась и огрызалась все время, пока они шли к станции, и Дима, утратив надежду развеселить подругу, думал о том, что идеальных женщин все-таки не бывает, и еще о том, что в случае неудачи с домом ему будет ох как непросто устроиться на такое место, как сейчас. Внезапно Люда остановилась, и он чуть не налетел на нее – она шла чуть впереди, указывая дорогу к станции.

– Черт! – сквозь зубы процедила девушка. – Так и знала! Ты сбил меня с толку перед уходом, я понервничала и забыла ключи!

– От нашей квартиры? – Он пощупал карманы куртки и убедился, что свою связку оставил дома. – Придется вернуться. А зачем ты вообще их там вынимала?

– Искала пудреницу, они лезли под руку. Ну вот что, до станции два шага, иди возьми билеты, а я сбегаяю.

Он было предложил пойти вместе, но Люда дала ему еще одно поручение – купить в дорогу сок. То ли апельсиновый, то ли абрикосовый – этого он позже никак не мог припомнить и мучился, потому что каждая мелочь казалась ему важной. Ведь это была ее последняя просьба.

Глава 3

– Значит, Людмила Амтман, – на фамилии женщина чуть запнулась, – не прощалась с вами, а просто вернулась за ключами? Адрес – дом пять, Косов переулок? И с тех пор ни вы, ни ее мать, ни знакомые ее не видели и ничего о ней не знают?

– Да. – Дима смотрел в стол, не в силах поднять глаза на женщину в форме, читавшую его заявление. За прошедшие трое суток он едва ли спал три часа. Чаше впадал в дурную, мутную дрему, где проносились какие-то неясные образы – полусны, полукошмары, и снова выплывал в реальность, которая казалась ему все нелепее и страшнее. Снотворные таблетки не действовали, от алкоголя он отказался – на нервной почве разболелся желудок. Дима выглядел как лунатик, да и чувствовал себя примерно так же. Он не мог поверить в то, что случилось.

– Фотографии принесли? – Женщина принялась щелкать «мышкой», просматривая какие-то документы в компьютере. – Положите на стол. Это последние?

Дима выложил перед нею три снимка:

– Я снимал ее в марте. Не очень удачные, зато крупный план.

Женщина оторвалась от экрана и перебрала снимки, всматриваясь в лицо молодой светловолосой женщины. Вы-

брала одну:

– Возьмем эту. Ну, все. Можете идти.

– Как – все? – опешил он.

– Так – все. – Женщина уже убрала в какую-то папку и заявление, и снимок. – Мы внесем все данные в базу, дадим ориентировки нарядам на станциях, в электричках Ярославского направления, в Москве, на площади трех вокзалов. Словом, везде, где она могла появиться. Документы у нее были с собой?

– С собой, наверное. – Дима судорожно сжимал и разжимал ледяные пальцы, пытаясь унять дрожь. В последние дни его часто лихорадило. – Она всегда носила с собой паспорт.

– Дома его нет? Все-таки посмотрите.

– Это так важно?

Женщина кивнула и впервые взглянула на него с сочувствием. Сквозь деловую маску проступило лицо:

– Она могла внезапно потерять память. На время – так бывает. Очень даже часто бывает – поверьте.

– Но почему?! Она никогда не страдала ничем таким и не пила, не принимала таблеток...

– Вовсе необязательно принимать таблетки или пить, чтобы вдруг впасть в амнезию. Это как затмение. Человек теряет сам себя – полностью. – Женщина становилась словоохотливой, в ее глазах можно было прочесть и сострадание, и любопытство. – И начинается – не туда свернул, сел не в тот поезд, не смог найти свой дом, забыл, куда шел... Не верите?

А процент таких пропавших немаленький. Конечно, больше исчезновений связано как раз с алкоголем, или с хроническими болезнями, мозга там или нервной системы, или вообще с криминалом. Но тут что-то не похоже. Ваша Амтман не состояла на учете в психдиспансере, ничего не принимала, и ее вряд ли украли – среди бела дня! Заблудиться тоже не могла – вы сами говорите, она наша, александровская. Воды не хотите?

Он поблагодарил и принял стакан. Судорожно проглотил невкусную, тепловатую воду, перевел дух. В этом отделении милиции Дима был уже в третий раз. Первый – на другой день после того, как исчезла Люда, второй – вчера. Он вообще больше времени проводил в Александрове, чем в Москве. Ходил по улицам в безумной и тревожной надежде случайно ее встретить. В сотый раз обыскивал дом, участок, проходил теми переулками, какими должна была вернуться к дому она, вглядывался в прохожих, познакомился со всеми соседями в Косовом переулке... Все напрасно – никто ее не видел, ни в тот день, ни после. Все, чего он добился, – это помещение данных в базу милицейского компьютера, да и то после долгих уговоров и уверений, что Люда никак не могла исчезнуть по собственной воле. Дело осложнялось тем, что уговаривать пришлось одному – мать Люды после известия об исчезновении дочери попала в больницу с сердечным приступом. Правда, ее скоро обещали выписать – он успел навестить ее и поговорить с врачом. Но от этого было ничуть

не легче ни ей, ни ему. Ведь Люда не давала о себе знать...

Женщина снова занялась компьютером, и он, попрощавшись, вышел. Постоял на крыльце местного отделения милиции, подышал пьянящим весенним воздухом, в тысячный раз спросил себя, что делать? Он уже сделал все, что мог придумать, все, что посоветовали сперва удивленные, а потом испуганные родители, друзья, коллеги... Об увольнении он не сказал – ему и так дали отгул.

«Бери столько дней, сколько потребуется, – сказал ему директор. – Может, деньги нужны? Я тебе выпишу аванс, ты отработаешь. Бывает же такое! Я слышал что-то подобное по телевизору, но чтобы со знакомыми случилось... Средь бела дня!» Денег Дима не взял, а за отгулы поблагодарил. Или нет? От недосыпа ему стала отказывать память.

Он сошел с крыльца и присел в стороне, на лавочке под кустами сирени, на которых уже набухли почки. День был солнечный, почти жаркий. Отличный весенний день, такой же, как вчера и позавчера... Как и тогда, когда пропала Люда. Он ощущал жуткую, сосущую пустоту в груди – в сердце, в душе – непонятно где. Эту пустоту раньше заполняла она. Дима и не подозревал, как много она для него стала значить, какое место заняла в его жизни. За эти дни он понял это и в ужасе убедился, что будет по-настоящему, сильно страдать. В этом чувстве было немало эгоизма, но он оправдывался тем, что неизвестно, страдает ли Люда, зато очень хорошо известно, как плохо ему самому.

«Куда теперь? В Москву? Вдруг она вернулась домой? Каждый раз у меня эта проклятая надежда, что я вложу ключ в замок и обнаружу, что он не заперт – значит, закрыто на защелку изнутри, значит... Съездить в больницу к ее маме? – Он взглянул на часы. – Посещения с четырех до шести, успеваю, но... В прошлый раз она вытерпела меня минуты две, а потом ушла в палату. И фрукты не взяла. Не могу смотреть ей в глаза, хотя ни в чем не виноват! Она же меня просто не видит. И ненавидит. Что еще можно сделать? Опять пойти в Косов переулок? Что толку? Ходить по соседям бессмысленно, у всех уже чай-водку пил, всем представился. Записная книжка пропала вместе с ней, в ее сумке, а то бы я мог хоть кому-то позвонить. На ее прежней работе уже спрашивал – она там не была. Всех на уши поставил... Хорошо, что вспомнил адрес, встречал ее несколько раз... Кажется, так давно! Что могло случиться?»

Он закрыл глаза и попытался представить весь обратный путь Люды, со всеми препятствиями, которые могли ей встретиться. Этот путь должен был занять минут пятнадцать, теперь он изучил его наизусть – до последнего дома, до каждого дерева. Несколько поворотов, минимум уличного движения, прохожих немного, и почти все – «свои». Даже за три дня некоторые лица успели ему примелькаться. Что ей могло угрожать? Как она могла заблудиться? Свернула не туда? Чего ради она бы стала сворачивать? Пошла не с тем человеком? Но зачем?

«Может быть, ее попросили чем-то помочь и заманили в какой-нибудь дом? Я где-то слышал что-то подобное, так ловили молодых девушек. – У него от ужаса похолодели корни волос. На память пришли самые страшные истории, которые доводилось видеть по телевизору. – А в милиции все такие спокойные! Внесли в базу данных, уговорил! Конечно, она совершеннолетняя, чего шум поднимать! Может быть, ее в эту самую минуту мучают, а ее никто не ищет! Может, она в одном из этих домов, где-нибудь в подвале, связанная, испуганная до полусмерти, униженная, истерзанная!»

Он вскочил. Руки снова затряслись, к горлу подкатил ком. Самым ужасным было сознание, что он ничем не может помочь. «В Москву! Здесь я точно сойду с ума! Мне все время кажется, что она рядом!»

В кармане завибрировала телефонная трубка. Это была мать – она звонила чуть не каждый час и была взвинчена едва ли не больше сына. Ее мучило воспоминание о случившейся ссоре, и она страшно переживала, что они с Людой так нехорошо расстались. Вот и сейчас, стоило ему нажать на кнопку отзыва, мать сразу заговорила об этом.

– А как ты думаешь, она не могла обидеться и на тебя? – в сотый раз спросила она. – Не могла уйти?

– Да она вовсе не обиделась! – устало и чуть резковато ответил он. – Она не истеричка! Если бы хотела уйти – сказала бы сразу, не стала бы мотать нервы!

– Верно-верно, – пробормотала мать. – Но это единствен-

ное, на что я теперь надеюсь. Ты добился чего-нибудь в милиции?

– Они будут ее искать в поездах и на вокзалах – по всей ветке. И в Александрове, конечно. Может быть, кто-то ее видел.

В его голосе было так мало оптимизма, что мать окончательно пала духом.

– Прямо хоть к гадалке обращайся! А что? – ухватилась она за эту идею. – Ирма как-то обращалась, спрошу у нее...

– Какая глупость!

– Нет-нет, ей помогли, только я не помню, в чем было дело. Кажется, она спрашивала совета насчет покупки машины... Или что-то насчет операции – ложиться или нет...

– Если хочешь, обращай хоть к Ведьме Ивановне, хоть к Черту Петровичу, – не выдержал он, – но меня в это не мешай! Лучше бы добиться, чтобы ее фото по телевидению показали.

– Вот ты кричишь, а я хоть что-то пытаюсь придумать, – вздохнула женщина. – Ведь это страшно, если ее в самом деле, похитили. Денег у нее нет, значит, не ради грабежа... Значит...

– Замолчи! – Он уже кричал в трубку. – Хватит и того, что я об этом все время думаю! Ты хочешь, чтобы я в больницу загремел, как ее мать?

– Я хочу к ней пойти, где она лежит?

– Она не будет с тобой разговаривать. И потом, поздно

как-то знакомиться.

– Поздно?.. Ты думаешь, Люда уже не вернется? – чуть слышно проговорила женщина. – Дима, скажи мне правду – ты чувствуешь, что ее больше нет? Что мы опоздали?

– Я ничего не чувствую, кроме того, что мне плохо!

– Я тоже. Все-таки обращаюсь к гадалке. Хочешь – смейся, но иногда они помогают, – окончательно решила мать. – Знаешь, Ирма тоже переживает.

– Ей-то что?

– Не скажи. Они же чуть не схватились врукопашную! А теперь она говорит, что сразу заметила в этой девушке что-то странное. Она смотрела так, будто что-то задумала.

Дима вспыхнул и едва удержался от того, чтобы не выложить все, что он думает об Ирме. Он лишь процедил, что та выдумывает.

– Задним умом все крепки!

– Нет, она серьезно! Ирма говорит, что девушка нервничала, хотя и старалась это скрыть.

– Люда просто разозлилась и не захотела терпеть оскорблений. Что тут странного? А может, Ирма, если она такая умная, сообщит, где Люда и что с ней? Знаешь, мне от ее ума ни тепло, ни холодно! Еще не хватает, чтобы она совалась в такую минуту!

– Опять я не угодила! – расстроилась мать. – Ты не хочешь меня видеть, не разрешаешь приехать, помочь по хозяйству, сам к нам не едешь... Ты не пьешь? Скажи честно!

– Пью! Пиво! Перед сном.

– Ну, пиво можно, – грустно согласилась она. – А все-таки одному трудно. Или ты... Ждешь ее?

И она угадала. Находиться одному в квартире ему было невыносимо тяжело – везде были следы присутствия Люды, полотенца в ванной пахли ее духами и кремами, на наволочке золотились светлые волоски, на спинке кресла все еще висел легкий шелковый халатик – Люда скинула его, переодеваясь перед поездкой в Александров. Он ничего не трогал – частью от бессилия, частью из суеверия. Эта квартира стала для него полигоном, где его нервы каждую минуту испытывались на прочность, и все же он не уходил. Если Люда вернется, она приедет туда. Он старался думать о том, что Люда вернется, только об этом – тогда удавалось взять себя в руки хоть на минуту. А потом опять накатывал мрак.

Дав отбой, он медленно пошел к станции. До нее было недалеко, и он уже хорошо знал все окрестные улицы. Скажи ему кто неделю назад, во что превратится его жизнь, он бы не поверил. «А кто бы поверил? Несчастья ведь всегда случаются с кем-то другим. Мать так растерялась, что ищет гадалку, и я ее начинаю понимать». В Косов переулок Дима на этот раз решил не ходить. Ему уже опротивел этот угрюмый синий дом, молчащий так упорно и неприветливо, что было ясно – нового хозяина он не признает никогда. Дом тосковал по беспутному, старому... Старому?

Дима остановился. Люда была родом из Александрова,

знала прежнего хозяина, их семьи связывала когда-то почти дружба, судя по ее собственным словам. Почему он до сих пор не отыскал прежнего хозяина, этого дядю Григория? А вдруг Люда каким-то образом встретилась с ним на обратном пути? Где он живет?

Он чертыхнулся. Адрес прописки хозяина был указан в договоре купли-продажи, а сам договор в настоящее время находился в регистрационной палате. Зато адрес агентства, где совершали сделку, Дима почему-то вспомнил сразу. Нужные данные были у него в руках в удивительно короткий срок – через полчаса. В агентстве его сразу поняли, вникли в ситуацию, созвонились с палатой и достали адрес Григория Павловича Бельского – так звали прежнего хозяина дома в Косовом переулке. Он жил неподалеку, через три улицы, и Дима сразу помчался к нему.

– А его нет, – с порога отрезала высокая худая женщина. У нее за спиной раздался детский визг, потом крик. Судя по звукам, дети дрались не на шутку, но женщина не обращала на это внимания. – Он с утра ушел.

– А когда будет?

– Да вам зачем? – Женщина с недоумением осмотрела его с ног до головы. – Говорите, я передам, когда вернется.

– Нет, я просто хотел его спросить... Он здесь постоянно живет?

– Живет, когда хочет, – криво усмехнулась она. – Прописан тут. Я его сестра, а что? Что вам от него нужно?

В ее голосе зазвенела тревога, женщина беспокойно затопталась на пороге, словно стремясь загородить собою весь дверной проем. Дима представился, но та разволновалась еще сильнее:

– А что? Что-то с домом? Надо было смотреть, что покупаете, это вам не дворец «новый русский», а халабуда – мы же не скрывали! У вас глаза есть, надо было смотреть. А теперь нечего ходить, возмущаться!

– Да я вовсе не возмущаюсь!

– Нет? – Женщина вновь недоверчиво его осмотрела и на этот раз немного смягчилась. – Тогда зачем его ищите? Он если и придет, то пьяный. Толку от него немного. Если что-то спросить по дому, это я все знаю. Спрашивайте меня.

– Я не о доме. У меня... Такое дело...

Услышав рассказ об исчезновении Люды, женщина ахнула и всплеснула покрасневшими от стирки руками:

– Я же ее помню! Так это не вы купили, а она? Гришка говорил – мужик купил!

– Мы с нею на пару покупали. Вы уж передайте брату – может, он ее видел после... того дня. Она пропала двадцать седьмого.

– Ну, он в календарь лет пятнадцать не заглядывал, число ему не нужно, а спросить можно. Если ее видел – вспомнит. Что же это такое? – задумалась женщина. – На улице, днем... Вот и пускай детей гулять! Взрослых воруют! На ней что же – золото было?

– Нет.

– И даже без золота. – Та сокрушенно качнула головой. – Уже запросто так хватают! Ну я не знаю, как это так? И кто это мог сделать? По каким она улицам шла-то? Куда? От вокзала к нашему дому? Да там же постоянно люди ходят, и ничего никогда не случилось. Я сама там тыщу раз ходила. А в милиции были? Это правильно, пусть ищут. У нас тут много этих живет, строителей, приезжих, им целые дома сдают, так вот может... Хотя за ними такого никогда не замечали, чтобы к нашим бабам лезли. Они тут за хлеб работают, только посмотришь, что в магазинах покупают... Прямо жалость берет. И со своими женщинами некоторые, те им готовят. Нет, я на них не думаю. Может, ей на улице плохо стало и кто-то «скорую» вызвал? Может, ее увезли?

Дима ответил, что осведомлялся во всех возможных больницах – Люды там не было, и девушек без документов и без сознания не привозили. Женщина твердо обещала помочь и вытрясти из брата все что угодно.

– Только вряд ли Люда свободно по улицам ходит, если о себе не дает знать, – авторитетно сказала она. – Она бы уж тыщу раз позвонила, хоть вот матери. Как ее мать-то? Я и ее знала когда-то.

Диме с трудом удалось избавиться от словоохотливой собеседницы. Он давно заметил, что от нее пахнет перегаром, и, глядя на отечное грубоватое лицо, сделал вывод – брат и сестра спиваются наперегонки. «Нет, на них мало на-

дежды, разве что поспрашивают своих дружков-собутыльников, может, те что видели... — думал он, садясь через десять минут в электричку. — Надежды вообще мало».

В поезде ему удалось подремать, в метро Дима также клевал носом, и у него появилась надежда, что дома ему наконец удастся уснуть. В лифте он заранее нашарил в кармане ключи. Это была ее связка — он так и носил ее с собой с того самого дня. Ключи лежали в доме, на столе в кухне, как она и сказала. «Иначе я не попал бы домой. Свои ключи я в тот день не взял». Он, как сейчас, видел эту связку на столе — она сразу бросилась ему в глаза, когда он, забеспокоившись, тоже вернулся в дом номер пять в Косовом переулке и не нашел там подруги. «Я перепугался еще больше, когда стал тогда отпирать дом и вдруг понял, что она там не была — ведь ключи-то были только у меня! Она забыла их попросить, когда мы расстались у станции. У меня сразу что-то внутри рухнуло, когда я это понял. Люда забыла в доме свои ключи от квартиры, потом забыла попросить у меня ключи от дома — это уже слишком! Она не могла ничего забыть, она вообще не забывала о таких вещах, это я вечный раздолбай, а Люда — аккуратистка! А в комнате, когда я увидел эту связку на столе... Все было не так, как надо, все уже шло странно и неправильно. Почему я сразу подумал о том, что с ней случилось несчастье? Она ведь могла просто встретить кого-то по дороге и заболтаться или зайти на минуту в гости. Она ведь из Александрова. Но я даже не подумал об этом».

Он остановился у своей двери, вложил ключ в замочную скважину и дважды повернул, затем нажал на ручку. Дверь не открылась. Дима удивленно посмотрел на нее. Уходя, он, как всегда, запер квартиру на один замок, вторым они с Людой никогда не пользовались. «Я что – не закрыл дверь вообще?! Что значит не высыпаясь, скоро пожар устрою!» Он повернул ключ в обратном направлении – прежний результат. Дверь не открывалась.

И тут его одновременно обдало и жаром и ознобом – дверь была заперта изнутри на защелку! Пришлось сделать паузу – сейчас Дима не смог бы вымолвить и слова. У него даже слегка закружилась голова, и почему-то захотелось убежать. Наконец он решился осторожно нажать на кнопку звонка. Прислушался к короткому мелодичному пиликанию, с замиранием сердца выдержал несколько секунд тишины... А затем – все ближе, явственней – легкие торопливые шаги... Дверной глазок потемнел.

– Люда! – хрипло выговорил он. – Это я!

Глазок еще секунду оставался темным, потом там появилась светлая точка, лязгнула отодвигаемая задвижка. Дима почувствовал, что ему не хватает воздуха. Женщину, стоявшую на пороге, он видел впервые.

– Ну-ка, вот так! – Уверенные прохладные руки быстро расстегивали ворот его рубашки, чем-то растирали за висками. Дима ощутил резкий, гвоздичный аромат, от которого

захотелось чихнуть и расхотелось терять сознание. Пальцы незнакомки – тонкие, но сильные – почти до боли разминали ему какие-то точки на затылке. Наконец Дима попросил ее прекратить реанимацию.

– Спасибо, мне лучше. А кто вы?

– Лучше так лучше. – Женщина завинтила крышку на баночке с ароматическим маслом, поставила ее на туалетный столик. Они были в спальне – сюда она утащила его чуть не на себе, когда Дима стал сползать вниз по косяку. – У вас что – сердце слабое? Испугались?

– Кто вы? – Теперь Дима видел, что в спальне появились вещи, которых прежде не было. Смятый твидовый пиджак на краю постели, на одной из подушек – шелковая ночная рубашка гранатового цвета. Пара туфель на каблуках, небрежно брошенных у порога. Две большие дорожные сумки, обе расстегнутые – оттуда каскадами вываливались цветные тряпки. Он мотнул головой и окончательно пришел в себя:

– Как вы сюда попали?

– Мне это нравится, – иронически заметила женщина, протирая замасленные пальцы бумажной салфеткой. – Через дверь вошла. А вы – Дима? Или лучше будем на «ты»? Ты же Людин приятель?

– Господи... – прошептал он, не сводя глаз с этой высокой худощавой брюнетки, разглядывавшей его с веселой иронией. – Вы – Марфа?!

– Ты, – напомнила она, заулыбавшись еще шире. Улыбка очень шла Марфе – у нее были белоснежные, пикантно-неровные зубы, явно свои. – Это я и есть. Но ты не бойся, я прилетела на пару дней, не стесню. Люда далеко?

Он машинально застегнул рубашку, поправил ремень на брюках. Снова неприятно помутилось в голове, но Дима усиленным воли прогнал дурноту. Марфа все еще улыбалась. Он никогда не видел ее фотографий, не интересовался ее внешностью, даже не пытался представить, как может выглядеть хозяйка этой странноватой квартиры в красных тонах. Такую внешность Дима без обиняков назвал бы привлекательной, а талант заразительно улыбаться делал из Марфы почти красавицу. На ней был шелковый халатик цвета хаки, с китайской вышивкой, восточные красные шлепанцы с загнутыми носами, на тонком запястье болтался массивный золотой браслет – как показалось Диме, тоже какой-то восточный. Все это очень хорошо вязалось с резким запахом ароматического масла, которым пропиталась спальня.

– Люды нет, – негромко сказал он. – Я только что был в милиции, возил туда ее фотографии. Она пропала три дня назад. В Александрове.

Марфа ничего не сказала, не ахнула, не сделала ни жеста – просто разом перестала улыбаться – как будто у нее внутри вылетел какой-то предохранитель и погасил улыбку. Затем осторожно наклонилась вперед, не сводя с Димы цепкого взгляда:

– Я правильно расслышала? Она пропала? Ее ищут?

– Да, ужасная история. То есть истории никакой нет. Она просто исчезла.

– Давай сядем и выпьем чего-нибудь, – выпрямилась Марфа. – Я вижу, что ты не врешь, да и зачем тебе, но пока не верю. Я только что с самолета, прошлую ночь не спала... Идем!

На кухне она привычно порылась в шкафах, поставила на стол рюмки, нарезала лимон. Бутылку коньяка извлекла откуда-то из недр буфета, прокомментировав:

– Вот это жилыцы – хоть бы распечатали! Сейчас мы выпьем и ты все расскажешь по порядку. Не может быть, чтобы Людка пропала. Наверняка уехала куда-нибудь...

Он выпил, как приказала хозяйка, и ощутил, как коньяк огненным комом упал в желудок. Стало жарко, к лицу прихлынула кровь. Марфа тоже чуть зарумянилась – она выпила две рюмки подряд, обмакнула в сахарницу ломтик лимона и, зажмурившись, прожевала его.

– Я тоже не верил, что так может быть, но, к сожалению...

Он рассказал все в мельчайших подробностях, выпустив одно – зачем Люде понадобилось покупать дом. Впрочем, Марфа об этом и не спросила. Она внимательно выслушала все – даже историю спившегося хозяина дома. Также она узнала про Людину ссору с Ирмой, заинтересовалась этой новой личностью, а рассказ о том, как ее подруга рассталась с Димой, попросила повторить еще раз.

– Странно, – сказала женщина, когда он умолк. – Людка

действительно никогда ничего не забывала. Забыть ключи... Я, например, постоянно их где-то оставляю, но чтобы она... А ты теряешь ключи?

– Я много чего теряю, – признался он. – Значит, ты тоже думаешь, что Люда уже была не в себе?

– Да. Она думала о чем-то другом. Была взволнована?

– Немного. Скорее, дулась на меня. Я предложил остаться в доме с ночевкой, а она почему-то завелась, была против... Словом, не в романтическом настроении. – Он удивлялся тому, как легко было говорить на личные темы с этой едва знакомой женщиной. Или причиной тому был коньяк? Дима прислушался к своим ощущениям – желудок предательски молчал, будто подстрекая его к новым возлияниям. – Давай еще по рюмочке?

Марфа охотно согласилась. После третьей рюмки ее глаза влажно заблестели, веки чуть прикрылись. Она облокотилась на стол, сцепила руки под подбородком и задумчиво разглядывала собеседника. Глаза у нее были красивые – светло-зеленые, чуть навывкате.

– Знаешь, мне кажется, похитить ее не могли, – сказала наконец Марфа, будто к этой мысли ее привел тщательный осмотр Диминого лица. – И убить тоже. Как-то это нелепо. Мне думается, она кого-то встретила, из старых знакомых – а вот что было дальше? Зашла в гости на полчаса, а задержалась подольше? Вспомнила старую любовь и уехала на край света?

– Постой! Какая старая любовь? Я ждал ее на станции! – воскликнул он.

– Она могла забыть про тебя, – отмахнулась Марфа. – Что ты вообще о ней знаешь? О ее прошлом, о ее связях? Ты с нею три года, так? Она часто была с тобой откровенна? Держу пари, что нет. Она вообще страшно скрытная. Такие молчат-молчат, а потом бьют под дых – и ты только хрипишь, как зарезанный.

– Да что ты несешь! – Он окончательно перестал сдерживаться, ему казалось, что он знает Марфу всю жизнь. – Даже если все это так и она встретила кого-то... Почему не позволила хотя бы матери? Та же в больницу попала!

– Скверно. – Марфа отодвинула опустевшую рюмку. – Надо ее навестить. Я больше пить не буду. Мне нужно поспать, как раз собиралась лечь, когда ты пришел. У тебя что-то тоже глаза красные. Бессонница?

– Была. А теперь просто падаю с ног...

Коньяк подействовал – Дима едва удерживался от того, чтобы не уснуть прямо за столом, как заправский пьяница. Марфа поднялась и сладко потянулась:

– Я, конечно, лягу в спальне, а ты уж как-нибудь устройся в гостиной. Нечего сказать, веселое возвращение! Да ты прямо падаешь, – резко сменила она дружеский тон на деловой. – Иди и постарайся выспаться!

В гостиной Дима расположился прямо на ковре – он был достаточно мягким. Из спальни захватил только плед и свою

подушку. Спать хотелось до слез, временами он даже глубоко проваливался, но его тут же выталкивало из сна ощущение, что он не имеет права на отдых, пока Люда не нашлась. Из-за этой мысли Дима и мучился бессонницей последние трое суток. «А если в самом деле она встретила кого-то... Бросила меня, забыла про мать... Не может быть. А если все-таки... За три года, как говорит Марфа, ее нельзя было узнать как следует... Я правда мало о ней знаю. Марфа... Она, кажется, болтлива, надо будет ее расспросить... Интересно, я ей понравился? – Дима беспокойно перевернулся на другой бок, поерзал и попытался прогнать возникшее в воображении лицо Марфы – уверенное и насмешливое. – Нет, я никогда не пользовался успехом у таких женщин. Размечтался! Спать! Спать...»

Дима очнулся в сумерках и с перепугу не вспомнил, как оказался в гостиной на полу. Он резко вскочил, схватился за голову – коньяк еще не выветрился. Перед ним маячила смутная высокая тень:

– Очумел? Ты что кричишь во сне?

– Я кричал? Прости... – Он растер висок. – Мне снилось... Ох, все перепуталось. Выпить бы чаю.

– Так пойдем, – пригласила его Марфа. – Я-то давно встала, что-то плохо спалось. И ты мешал – все время болтал, вскрикивал, я даже пришла послушать. Люблю слушать, когда говорят во сне. И забавно, и жутко немного. Кого это ты все время прогоняешь? Прогоняешь и боишься?

Дима невольно вздрогнул, будто к нему прикоснулись чьи-то ледяные пальцы:

– Не помню. Который час?

– Да уж поздний. У тебя в куртке звонил мобильник, ты уж прости, я вытаскивала трубку – а вдруг Людка проклянулась? Но это была твоя мама.

– Ты говорила с ней?

– Нет, просто смотрела на определитель. Там написано – «мама». Больше никто не звонил.

За чашкой чая она призналась, что готова взять свои слова насчет Люды обратно. В любом случае она бы предупредила мать, что уезжает. Если бы могла...

– Но она не может. Понимаешь, она и впрямь не очень открытый человек и не любит, когда ей лезут в душу... Ее не разговоришь – это какой-то сейф. И с матерью она, насколько я помню, не очень-то откровенничала. Но подвергать ее такому стрессу... Конечно, Люда дала бы ей знать. Да и тебе тоже.

– Ну спасибо, – с мрачной усмешкой кивнул он. – Значит – и мне? Заслужил за три года!

– Нечего обижаться. Я только хочу сказать, что она не стала бы прятаться в норку, если бы у нее появился кто-то еще. Она скрытная, но не врунья.

– Я заметил.

– Значит, что-то случилось, – подвела итог Марфа. – И мне это все больше не нравится. Сперва я пыталась все упро-

стить, но теперь вижу – дело серьезное. Ты уверен, что милиция будет ее искать?

– Почему нет? – Он пожал плечами. – Будут искать, как и всех других. Я тут за последние дни узнал кое-какие цифры. Ты удивишься, если узнаешь, сколько людей пропадают без вести – каждый день.

– Не удивлюсь. Буквально на днях слышала в какой-то передаче, что в Индии в один миг пропало триста с лишним тысяч женщин. Были – и нету! Исчезли прямо на глазах у семей. Это установленный факт.

– Я говорю о другом, – раздраженно напомнил он. – В волшебство я не верю – тут явный криминал. Но зачем ее украли? Выкупа никто не требует. И это вообще глупо – она не богачка. Сексуальный маньяк?

– Тогда она или мертва, или в плену. Ужас! Послушай, ты не куришь? Я что-то не замечаю.

Получив отрицательный ответ, Марфа довольно кивнула:

– И я не курю, хотя другим не запрещаю. А Людка курила, но только как-то смешно. Верно? Делала одну затяжку и держала сигарету, а та тлела. Я никогда не понимала, что за удовольствие она от этого получает.

– Я тоже. Я говорил ей, что, в сущности, она давно не курит, так почему бы не бросить совсем? Она не обращала на мои слова внимания.

– Она ни на чьи слова не обращала... – начала было Марфа и вдруг, запнувшись, сдвинула широкие темные брови:

– Слушай, мне стало как-то жутко. Мы говорим о ней как о мертвой. Так нельзя! Надо надеяться! Ты ведь надеешься?

Он сказал, что, конечно, надеется, что без надежды не выдержал бы и дня... Но на самом деле Дима уже не знал, на что рассчитывать и что думать. Он знал одно – теперь он не один в этой квартире, рядом разумная, приятная женщина, которая дружески к нему относится. И которая, между прочим, вполне могла бы выставить его из своей законной квартиры. «Черт! А где же я теперь буду жить?! – в ужасе подумал он, впервые задав себе этот вопрос. – Марфа, может, и добрая девчонка, но мне тут оставаться даже после ее отъезда будет невозможно. На каких основаниях? В качестве сторожа? Я ей никто – любовник пропавшей подруги. Что же получается – идти к родителям?! Здорово! Снова играть мальчика в тридцать лет! Хорошо, хоть с работы не уволился, как хотела Люда!» Он вспомнил о деньгах в банковской ячейке, и ему стало полегче. Квартиры в Москве на них, конечно, не купить, но снимать жилье он какое-то время сможет. «Может, даже у Марфы. Она ведь хочет, чтобы за квартирой был присмотр. А там, там... – Вспомнив о доме и обо всем, что с ним связано, он снова пришел в отчаяние: – Один я не справлюсь! Я не решусь начать! Без Люды этот план мертв, я даже не знаю точно, откуда начинать!»

Его размышления были прерваны самым дружелюбным образом – Марфа дружески потрепала его по плечу, перегнувшись через стол и заглядывая Диме в глаза:

– Я предлагаю составить план действий на завтра. Мы должны ее искать сами, а милиция пусть делает, что может.

– Хорошо бы иметь план, – согласился он. – Но я не знаю, что делать. Прочесывать Александров дом за домом?

– Не издевайся, – бросила она, хотя Дима и не думал издеваться. В первые часы после пропажи подруги он и впрямь собирался обыскать весь город. – Прочесывать нужно ее знакомых. Меня слишком давно не было в Москве, я не знаю, кто появился у нее на горизонте. С работы она уволилась, так? Ну, на работе я сама всех расспрошу. – Ее голос приобрел резкие, явно начальственные нотки, Марфа выпрямилась, ее лицо разом посерьезнело. Было видно – эта молодая женщина уже привыкла повелевать подчиненными. – Другие знакомые были?

– Кажется, нет...

– Что – кажется? Вы три года вместе! В гости ходили? К себе звали?

Дима покачал головой. Они с Людой жили так тихо-мирно, настолько по-семейному, что иногда у него создавалось впечатление полярной зимовки на двоих. Но это его не раздражало. Выслушав его, Марфа нервно вздохнула:

– Узнаю подружку. Знаешь, как я ее прозвала, еще в школе? Улиткой. Ползет себе, медленно, но верно, к своей цели, а устанет или испугается – прячется в домик. Ты когда-нибудь слышал, чтобы улитки устроили вечеринку? У них и желаний таких быть не может.

Дима неопределенно пожал плечами, и Марфа истолковала это движение по-своему:

– Давай защищай свою суженую. Она себе этим улиточьим образом жизни ужасно навредила. Ты подумай – как просто искать человека, который много общался! Перебрал всех знакомых – и нашел зацепку. А здесь что? Прохожих расспрашивать? Ладно, значит, сослуживцев и всех, кого припомню и найду, – беру на себя. А ты вот что – раскинь мозгами – какой она была в последние дни? Не замечал, чтобы тревожилась, сильно нервничала? Хотя, – она махнула рукой, – ты мог это принять за нервы по поводу покупки дома. А она могла думать о другом... Вспоминай, вспоминай! Мелочи, слова, звонки – ну? Неужели ничего нет? А это ее странное поведение в последние минуты, эта путаница с ключами... Все так ей несвойственно! Нет, что-то готовилось, ты как хочешь! Или она предчувствовала несчастье!

Ему очень хотелось рассказать все – тогда, быть может, Марфа напала бы на след. Ведь она не знала главного... Люде было из-за чего нервничать, и это уже не относилось к области рассудочного. «Она боялась этого дома! Хотела его заполучить во что бы то ни стало и вместе с тем боялась. Я же видел – она только прикрывала страх своим вечным спокойствием. В успехе была уверена на все сто – Люда не стала бы лгать. Она боялась чего-то другого... И что скрывать – этот дом пугает и меня. Мне не хочется им владеть! Мне не хочется ничего начинать! Что мне делать? Если она не вер-

нется – я должен буду взяться за дело один? А я боюсь этого дома. Он мне неприятен, как и этот сон, от которого я просыпаюсь с криком. Мне опять приснился тот же сон! Опять это лицо! Ужасно, что я вижу его так ясно, будто знал, видел когда-то наяву».

– Опять задумался, – недовольно заметила Марфа, которая продолжала что-то говорить. – Ты все время куда-то уплываешь!

– Я слышу тебя. Она действительно нервничала в последние дни. Или это я ее нервировал... Я стал плохо спать – кошмары снятся. Вот и ты заметила.

– Она не была беременна? – огорошила его Марфа.

– Да что ты! – опомнился он после мгновенного замешательства. – Она бы сказала... Я бы знал! Да мы предохранялись!

– Да, чепуха, она и сама мне говорила по телефону, что не хочет ребенка и вообще не собирается за тебя замуж.

– Она такое говорила?

Дима был неприятно удивлен. Конечно, он знал, что женщины часто откровенничают сверх меры, но чтобы Люда... Интересно, что еще она говорила? Критиковала его мужские достоинства? Теперь ему казалось, что Марфа смотрит на него как-то иронически.

– А скажи честно, вы-то с ней не ссорились? В самом деле?

– Нет, – сухо ответил он.

– Так мы договорились – ты еще раз припомнишь ее последние дни? А я займусь знакомыми.

– Что толку вспоминать. – Он налил себе остывшего чая и отошел к окну. Приоткрыл створку пошире, вдохнул влажный ночной воздух. Разве шел дождь? Во сне он не слышал. Во сне он не услышал бы даже выстрела – лицо того человека парализовало его, лишало воли, эти зрачки прикалывали его к постели, как насекомое – булавками к картону. Да человек ли ему снился? «Мне снились неприятные сны, но этот... Никакого сравнения! Самое худшее, что я чувствую себя не совсем во сне. Мне кажется, что он дышит – тяжело, редко, будто копит силы для чего-то. Я почти чувствую жар его тела. Мне кажется, если взять его руку, она будет горячей и влажной. Так сны не снятся! Нет никакого действия, он ничего не говорит, просто смотрит, но прямо на меня, и мне от этого так тяжело!»

– Мне кажется, ты что-то скрываешь. – Голос Марфы снова зазвучал резко. Дима обернулся.

– Скрываю. Хотел бы с тобой поделиться, но не могу. Теперь опешила она.

– Ты признаешься?

– Да. И повторяю – очень хочу все рассказать. Но не имею права. Я дал слово молчать.

– Кому?!

– Люде.

Марфа пристально сощурилась, потом широко раскрыла

глаза:

– Ты разыгрываешь меня, нет? Человек пропал, а ты держишь какое-то слово? Это что-то важное? Что-то про нее?

– Это очень важно, но не знаю, имеет ли это отношение к ее исчезновению. Если да... Если ее украли из-за этого... Тогда я точно могу сказать, что это сделал не сексуальный маньяк. Тут замешаны большие деньги.

– Деньги у нее? – Марфа быстро подошла к нему вплотную, оглянулась через плечо, будто кто-то мог их подслушать: – Ты с ума сошел? Откуда? Я поняла, что свою долю за дом она внесла, продав дачу. Больше денег у нее не было и взять неоткуда.

– Я говорю о больших, об очень больших деньгах, – внушительно повторил он. – Она хотела ими завладеть. И это не воровство, не бойся. Они бы принадлежали нам по закону. Больше ничего не скажу.

– С ума сойти. – Она пристально смотрела на него, пытаясь поймать Димин взгляд. Он же прятал глаза. Ему было как-то неловко стоять так близко к ней – Марфа почти касалась его грудью. – Что ты называешь очень большими деньгами?

Глава 4

Утро Первого мая выдалось не по-весеннему студеным – столбик термометра не дополз и до пяти градусов. Небо было ясным, но каким-то неприветливым, словно оно тоже рассчитывало на лучшую погоду и тоже зябло, как и люди.

– Я совсем не ощущаю праздника, – призналась мать Димы своей лучшей подруге, искавшей в записной книжке нужную страничку. – А раньше Первое мая...

– Нашла что вспомнить! – фыркнула та, выдохнув резкое облачко пара. – Околеешь, пока колонна двинется, а потом все напьются. А иногда еще и субботник. Изуверство какое-то... Стоп, вот она. Я ее ищу на букву «Г» – «Гадалка», а она на букву «Л» – «Ленорман». Она на этих картах гадает.

– Что-то не знаю, идти ли, – замялась было мать Димы, но ее слабое сопротивление было отмечено. Ирма набрала номер квартиры на домофоне, напомнила о своем визите, и подруги вошли в подъезд. Мать Димы утешала себя тем, что гадалка брала за сеанс недорого, да еще тем, что муж ничего не знал об этой дикой затее – узнать судьбу Люды с помощью карт. Уж он бы ей припомнил и ее высшее техническое образование, и кандидатскую диссертацию, и ее же собственные насмешки над колдунами и прорицателями, которых разве-лось явно больше, чем нужно... Ему она просто сказала, что идет к подруге – он только кивнул, привыкнув, что Ирма от-

нимает у его супруги значительную часть времени, особенно с тех пор, как обе подруги вышли на пенсию.

– Я разложу карты только один раз, – с места в карьер начала полная, довольно неряшливо одетая женщина, отворившая им дверь. – Это вам? Ну, идемте.

И, шаркая спадавшими туфлями без задников, отправилась на кухню. В коридоре было полутемно и сильно пахло кошками, откуда-то из глубины квартиры доносилась чья-то гнусавая речь, сопровождаемая взрывами смеха, – по телевизору шла юмористическая передача. Мать Димы с удивлением посмотрела ей вслед и перевела взгляд на подругу:

– Что-то я ей не доверяю. Ты заметила, как все запущено? В жизни не видела такого черного паркета!

– Прекрати! – Ирма подтолкнула ее локтем в сторону кухни. – Какая тебе разница, чисто у нее или нет? Говорю тебе, Тань, она так гадает, что страшно становится!

Однако ничего страшного в гадалке Татьяна так и не заметила. Они расположились на кухне вокруг низкого, ничем не покрытого столика, с которого гадалка небрежно смахнула крошки от печенья. Хозяйка налила себе черного кофе, гостям не предложила, да Татьяна ничего бы у нее и не взяла – уж очень неопытно выглядела эта кухня. Про себя она не раз успела пожалеть о том, что пошла на поводу у подруги. «Сын прав, она не всегда права. Я и пошла-то, в общем, чтобы сделать ей приятное. Она так рекламировала эту гадалку!»

– Вам гадаем? – Гадалка кивнула в ее сторону, не переставая перемешивать на столе изрядно засаленную колоду. Ее пухлые руки двигались ловко и как бы сами по себе, как маленькие жадные зверьки. На среднем пальце левой руки красовался серебряный перстень с огромным черным камнем – обсидианом, решила Татьяна. – Вопрос сформулировали? Задавайте его как можно четче. Предупреждаю еще раз – я сделаю только один расклад. Больше сегодня не смогу. Сил мало. Вчера был такой длинный сеанс...

– У нас один вопрос, – заторопилась Ирма, явно слегка робевшая перед этой женщиной. Татьяна удивилась, услышав в ее голосе раболепные нотки, и сама слегка оробела. Значит, что-то в этой гадалке заставляло трепетать ее подругу, не признававшую авторитетов? Неужели только то, что когда-то та удачно разложила карты по поводу покупки машины, предупредив о мошенничестве со стороны продавца?

– У вас один вопрос, – с нажимом уточнила гадалка, даже не взглянув на Ирму. Она смотрела только на Татьяну. – Спрашивайте.

– А... Снять не надо?

– Моих карт никто не касается. Спрашивайте! – Ее голос стал резким и неприятным. – Один вопрос.

«Если она такая классная гадалка, сама должна знать, зачем я пришла, – обидчиво подумала Татьяна. – Хотя десять долларов за один вопрос – не так уж дорого. Нельзя требовать от нее слишком многого...»

– Пропала девушка моего сына, и я хотела узнать, что с ней...

– Не так! – остановила ее женщина, накрыв колоду ладонью, словно опасаясь, что карты взовьются в воздух и улетят. – Тут много вопросов сразу. Вы же хотите знать, что с ней, где она, жива ли? Так? Как ее зовут?

– Людмила.

– Спросите, скажем, так: «Вернется ли Людмила домой живой и невредимой?»

– Хотя бы живой, – вздохнула Ирма. Гадалка бросила на нее косой взгляд и снова обратилась к Татьяне:

– Хотя тут опять два вопроса. Вернется ли и будет ли жива и невредима. Я не люблю таких вопросов – ответы получаются нечеткими.

– Ну так сформулируйте сами, – попросила Татьяна, вконец растерявшись. – Спросите хотя бы – жива ли она? Или так – в каком она сейчас состоянии? Так мы побольше узнаем...

Сама того не заметив, она всерьез забеспокоилась за точность вопроса, как будто заранее доверяла гаданию. Вопрос был принят, и на стол с четким шуршанием стали ложиться маленькие нарядные карты. Они были совсем непохожи на обычные, игральные, и Татьяна с замиранием сердца разглядывала нарисованные на них картинки, пытаясь понять, на что они намекают. Гадалка раскладывала карты, нахмурившись и слегка посапывая, будто делала тяжелую работу.

Наконец она откинулась на спинку стула и, прикрыв глаза, громко и выразительно прочистила горло.

– Что? – испугалась Татьяна. Подруга дернула ее за рукав, призывая к молчанию.

– Я считаю, – низким голосом произнесла гадалка. Некоторое время она шевелила губами, затем вынула из колоды еще одну карту и, посмотрев на нее, положила рядом с раскладом. – А теперь мне надо подумать.

Татьяна больше ее не прерывала.

– В каком состоянии находится сейчас пропавшая Людмила? – заговорила наконец гадалка. Она почти закрыла глаза, и казалось, что женщина дремлет и говорит в полусне. – Взгляните-ка на крыс. Вот они в ее прошлом, которое определило ее исчезновение. Это из-за них она исчезла. Крысы – и есть ее пропажа, потеря, но и не только.

Она внезапно широко открыла глаза и в упор посмотрела на замершую Татьяну:

– Это еще и обман. Обман и предательство.

– Ее обманом куда-то заманили?!

– Это в ее прошлом, большего я не знаю. Она исчезла из-за обмана. Будь она здесь и увидь я в ее раскладе крыс – я бы посоветовала ей не принимать никаких решений. Никаких вообще, а важных уж тем более. В ее исчезновении виновата ложь. Что же с ней сейчас? Она жива, это точно.

– Слава богу! – вырвалось у Ирмы.

Гадалка кивнула и отхлебнула холодного кофе:

– Да, слава богу. Она жива, и если даже нездорова, то ее исчезновение тут ни при чем.

– Так почему она не дает о себе знать?! – воскликнула Татьяна, в этот миг абсолютно верившая гадалке. – Ее обманом украл, но она жива? В нормальном состоянии?

– Ее карта настоящего – гора. Это трудная карта, тут важен каждый шаг, иначе не преодолеть препятствий. И в ее настоящем столько проблем и сложностей, что ей бы лучше вообще ничего не предпринимать, чтобы не сделать себе хуже. Но она жива.

Гадалка достала из деревянного ящичка наполовину выкуренную толстую сигару и тщательно, с любовью раскурила ее. Аккуратно выпустила тонкое кольцо дыма, и по кухне поплыл густой пьянящий аромат ванили.

– Будущее ее состояния – башня. Чего же еще желать... Она будет жить долго, если только обстоятельства в настоящем не изменятся.

– То есть как...

– Повторяю – при настоящем положении дел она будет жить долго. Рядом трудные и дурные карты – и они нестабильны. Вот что плохо. Но пока ей ничто не угрожает.

– Как же это понимать, – выдохнула Татьяна. От волнения у нее заledenели пальцы, и теперь она судорожно их растирала. – Она вернется или нет?

– Мы спрашивали не об этом, – напомнила гадалка, продолжая заниматься сигарой, которая, казалось, интересовала

ла ее куда больше, чем расклад. Ее первоначальная сосредоточенность исчезла, она говорила почти небрежно. – Что значит вообще – пропала? Ушла от вашего сына? Уехала куда-то? По-настоящему исчезла?

– Ее милиция ищет, – робко вставила Ирма.

– Многих людей ищут напрасно, – задумчиво сказала гадалка. – Они сами не хотят находиться.

– Вы хотите сказать, что ее не надо искать?! – Татьяна не выдержала и вскочила. Ее возмутил небрежный, снисходительный тон гадалки. – Девушка пропала среди бела дня и не дает о себе знать! Даже матери больной не сообщила! И она, по-вашему, не хочет находиться?!

– А я такого не говорила, – невозмутимо произнесла та. – Я лишь сказала, что ей ничего не грозит. Больная мать – это в самом деле серьезно. Если бы девушка могла, она бы известила... Хотя...

И женщина задумчиво выпустила еще одно колечко дыма. Ирма тоже встала и нервно гладила подругу по плечу, пытается успокоить. Татьяна стряхнула ее руку:

– Ладно, о чем мы в самом деле спорим! Карты говорят, что она жива, и этого мне хватит. Больше ничего?

– Есть кое-что. – Гадалка созерцала расплывавшееся в воздухе кольцо дыма. – Совет. Вскоре в этом деле появятся новости, ситуация начнет меняться. Не знаю пока, в худшую сторону или в лучшую, но начнет.

– Она вернется? Позвонит?

– Не знаю. Все может быть. Скажу одно – ее карты сами по себе не слишком хороши, но все же причин для тревоги нет. А я почему-то тревожусь. – Она прямо взглянула на Татьяну и грузно поднялась, откладывая сигару в пепельницу. – Что-то в раскладе неустойчиво. Эта карта совета, письмо – никак не могу ее хорошенько понять. Можно бы сказать вам просто, что Людмила даст о себе знать, но это не все. Тут есть кое-что, что касается только двоих. Какое-то обязательство между ней и... Вашим сыном, может быть?

– Обязательство? – переспросила ее ошеломленная женщина. – Между ней и Димой? Но у них не было никаких обязательств, они жили просто так... не расписываясь.

– Обязательство? – шепнула ей на ухо подруга. – А дом? Они на пару купили дом, ты же говорила!

– Купили дом? – насторожилась гадалка, как видно обладавшая тонким слухом. – Давно?

– Только что. Она сразу после этого и пропала.

– Дом... Башня... – пробормотала она. – Но и крысы тут же. Им не надо было покупать этот дом!

– Я тоже так думаю, – вставила Ирма, жадно ловившая каждое ее слово. – Если бы вы видели, за что они заплатили такие деньги!

– Кстати о деньгах. – Гадалка убрала карты в карман халата. – Десять долларов я беру за первый вопрос, за все последующие – по пять. Но вам я делаю скидку – платите сразу пять. Это я делаю для того, чтобы вы пришли еще раз.

Ситуация будет меняться, и очень быстро, я предупредила! Зайдите на днях!

Татьяна расплатилась и поторопилась уйти. Ирма задержалась на минуту и догнала ее уже на лестнице.

– Ты слышала? – возбужденно спросила она, беря подружку под руку. – Твоя Люда жива. Можешь сказать Димке.

– Я не собираюсь ничего ему говорить. – Женщина старалась не смотреть на подружку. После визита к гадалке у нее осталось ощущение неловкости и собственной нечистоты – будто она окунулась во что-то сальное, липкое. – Он решит, что у меня начался маразм.

– Ты что – не веришь гаданию?!

– Моя вера тут ни при чем, – заверила Татьяна. – Охотно бы поверила, с удовольствием. Но Диму трогать не буду, и ты ему тоже лучше не звони. Парень и так весь на нервах.

Ирма не настаивала, и подружки в молчании уселись в припаркованную у подъезда машину. Только у третьего по счету светофора Ирма наконец нарушила молчание, заметив как бы про себя, что не представляет, как Людмила по возвращении оправдает свое молчание. «Если она, конечно, вернется, – подумала она, не дождавшись ответа. – Я-то видела ее глазки, сразу поняла – та еще штучка. Наверняка повесилась на шею какому-нибудь новому мужику, а с Димкой даже попрощаться забыла. Эти тихие белые мыши – все такие».

Татьяна чувствовала, что подружке очень хочется поговорить, но хранила молчание, снова и снова давая себе слово

никогда больше не ходить к этой гадалке и ничего не говорить сыну.

* * *

– Первое, воскресенье. – Марфа зябко куталась в свой китайский халатик и мелкими глотками пила горячий кофе. – Дважды выходной. Ненавижу выходные, а ты?

– Я их люблю, – удивился Дима, размачивая в кружке сухарик. Люду эта его привычка почему-то раздражала, Марфа же не сказала ни слова. – Можно поспать.

– Спать хорошо, когда дел нет, а если нужно что-то срочно провернуть, выходные прямо бесят! – твердо сказала молодая женщина. – А мне постоянно что-то надо сделать. Сейчас вот Людку искать. Боюсь, что многие уехали на дачи, а мобильные выключили. Ну ничего, кое-кого найду. Слушай, о каких все-таки деньгах ты говорил вчера? Так и не раскопелся? Или пошутил?

Он чуть не поперхнулся. Вчера Марфа с трудом отпустила его спать, все мучила вопросами, допытываясь правды. Ему с трудом удалось от нее отделаться, и было все труднее хранить данное Люде слово – очень хотелось все рассказать. Именно Марфе – она бы сразу поняла. Он и проговорился-то о деньгах, скорее всего потому, что хотел исповедаться... Но последней черты переступить не мог. Сказанное прозвучало бы дико. И потом... Ведь он дал слово.

– Я не шутил, – сдержанно ответил он. – И очень жалею, что вообще об этом упомянул. Но... Вырвалось. Было очень тяжело на душе.

Марфа внимательно смотрела на него, и в ее выпуклых зеленоватых глазах читалось напряженное ожидание.

– Лучше бы ты и правда ничего не говорил, – сказала она, не сводя с него взгляда. – Я только об этом и думаю. Неужели ты не понимаешь, что, может быть, губишь ее своим молчанием?

– Может быть, но... Нет. Я уверен, что нет. Об этом знали только она и я и еще один человек, но его можно не брать в расчет.

– Ты сводишь меня с ума! – Женщина неожиданно протянула руку и схватила его запястье. Он снова удивился тому, какими жесткими оказались эти тонкие белые пальцы. – Никаких денег нет!

Он молчал. Марфа еще сильнее подалась вперед, он чувствовал на лице ее учащенное горячее дыхание, пахнущее кофе. «Она все время ко мне прикасается. У нее что – манера такая? Хорошо бы знать, а то можно подумать, что я ей нравлюсь. Что о ней говорила Люда? Смутно помню – золотая медаль, какая-то больница, карьера, отделение фирмы в Мюнхене... Люда говорила что-то про ее целеустремленность – будто остановить ее так же трудно, как несущийся поезд. А если я ей действительно нравлюсь?»

Внезапно, словно подслушав его мысли, Марфа убрала

руку. У него на запястье остались белые, быстро темнеющие пятна – следы ее пальцев.

– Будут синяки. У тебя кожа нежная, как у девушки. Ты так ничего и не скажешь?

– Даже под пыткой. – Он чуть улыбнулся.

– А хорошо бы тебя попытать! – Она погрозила ему кулаком, но тоже слегка улыбнулась. – Уж я бы вытянула все, до капельки! Деньги – у нее!

– Знаешь, разгромив Псков и Новгород, Иван Грозный стал казнить сообщников заговора в Москве. – Дима с удовольствием отметил изумленное выражение на этом бледном, красивом лице, которое (он не притворялся перед собой) нравилось ему все сильнее. Это было одно из тех лиц, которые возбуждают жажду – как острые пряности. В сравнении с ней Люда показалась бы слишком пресной. – Одним из пытаемых был некий казначей Фуников. Его поочередно обливали то кипятком, то ледяной водой, так что кожа с него сошла, как с угря. Но он не сказал, где спрятал деньги.

– Какая гадость, – пробормотала Марфа, откидываясь на спинку диванчика.

– Почему гадость? Это наша история. Между прочим, казнь происходила на той самой Красной площади, которую ты часто посещаешь, отправляясь в ГУМ. Ты же не говоришь – «какая гадость»? Когда Фуников умер, царь Иван самолично заехал к нему в дом и арестовал его молодую красавицу жену. Она тоже не признавалась, где деньги. Тогда Иван ве-

лел раздеть ее донага, усадил на туго натянутую между двумя домами веревку и велел несколько раз протащить женщину туда-обратно – на глазах ее пятнадцатилетней дочери. Фуникова ни в чем не призналась и скончалась в монастыре от последствий этой ужасной пытки. О судьбе ее дочери я ничего не знаю, но ее легко угадать. Скорее всего, девочку-подростка до смерти замучили опричники.

– Прекрати! – Марфа тяжело дышала и морщилась, отворачивая лицо. – Придурок! Я не хочу слушать! Что ты вдруг завелся!

– А то, что когда дело касается денег – не всякая пытка поможет, даже пытка царя Ивана. А он был настоящим виртуозом. Гениальный скрипач должен чувствовать скрипку, как часть своего тела. Иван гениально играл на человеческих страданиях и смертях.

– Замолчи! – Женщина толкнула в его сторону чашку, кофе плеснулся на стол. Она встала и туго стянула на талии пояс халата. – Отличный способ начать новый день, нечего сказать! В конце концов, это моя квартира, и я не желаю, чтобы здесь рассказывали такие мерзости!

– Я могу уйти.

– Что? – вдруг растерялась она. – То есть – куда?

– Ну, мне есть куда податься. Я не бомж.

– Я... Постой, я не хочу, чтобы ты уходил, – вконец смешалась женщина. – Я с ума сойду, честное слово! Я рассчитывала по-другому провести время в Москве! Подруга про-

пала, ты несешь какой-то бред... Ее надо искать... Нет, я не хочу, чтобы ты уходил, но не рассказывай больше таких ужасов! Откуда ты их нахватался?

– Почитывал кое-что, – небрежно ответил Дима. По правде говоря, его неприятно удивила впечатлительность Марфы. Сам будучи нервным по натуре человеком, он избегал излишне эмоциональных людей. «Люда была не такой. Она бы выслушала, не моргнув глазом. Черт, я опять думаю о ней, как о покойнице! Была!»

– Почитывай, но не пересказывай! – приказала хозяйка. Она уже пришла в себя, но вид у нее все еще был сердитый. – Спасибо за компанию! У меня сейчас завтрак обратно пойдет! Все, я сажусь на телефон, а ты... Что будешь делать ты?

Охотнее всего Дима поехал бы в Александров. Этот город притягивал его, как магнит, и чем ближе он подходил к дому номер пять в Косовом переулке – тем сильнее становилось притяжение. Вокруг этого дома оно и концентрировалось. Люда была права – дом жил, он как будто дышал, наполняя маленький садик вокруг своим особым, сыро-кисловатым запахом. «Я должен буду все сделать один. Найдется Люда или нет – я должен буду это сделать. Один?» Он взглянул на Марфу – та уже листала большую записную книжку, отыскивая нужные телефоны. «Да, я должен буду сделать это один. У меня такое чувство, что Марфа зря будет кому-то звонить. Это не поможет».

Он сказал ей о своих намерениях – побыть одному, по-

бродить по Александрову, еще раз навестить свой дом, — но Марфа резко его оборвала, сказав, что поедет вместе с ним — она должна видеть все своими глазами.

— Подождешь часика два. — Она бросила ему пульт от телевизора. — Никогда не бывала в Александрове. Это Ярославское направление?

— Точно. Между прочим, направление интереснейшее.

— М-м? — Она вопросительно подняла взгляд от книжки. — Престижное?

— Когда-то было престижным — дальше некуда. Иван Грозный выстроил себе дворец именно в Александровой слободе. Ты можешь вообразить кого-нибудь круче?

Марфа сердито указала на дверь:

— Воображай сам! Я уважаю людей, которые читают книги, но надо меру знать! Нечего давить меня эрудицией, мы не в телешоу.

...Меньше чем через два часа они уже были в дороге. Марфа потрясла его, заказав такси.

— Ты представляешь, во сколько это выскочит?! Это же Владимирская область!

— Плачу-то я, — хмуро ответила она, не глядя на собеседника. Женщина была раздосадована — обзвон знакомых не дал никаких результатов. Все, разумеется, ужасались и сожалели, но никто даже приблизительно не мог предположить, куда делась Люда.

– В таких случаях обычно трясут лучшую подругу... А у нас беда в том, что Людина единственная и лучшая подруга – я сама. – Марфа смотрела в окно, разглядывая полупустые празднично-воскресные улицы. Дима взглянул на затылок таксиста – они устроились рядом, на заднем сиденье. «Интересно – он нас принял за парочку или нет? За слегка сдвинутую или очень богатую парочку – кто же еще ездит в Александров на такси!»

– Что же мне делать? – думала вслух женщина. – Я рассчитывала вылететь обратно одиннадцатого, никак не позже. Повидать своих, посидеть где-нибудь с друзьями... Я сто лет не была в Москве, соскучилась смертельно! А когда вернусь, надо будет работать не поднимая головы – организуется польский филиал, и похоже, что меня туда переведут. Даже города пока не знаю. То ли Краков, то ли Познань... Живу без дома, как бродяга! Когда же я теперь вернусь?

– Когда и хотела, – удивленно возразил Дима. – Ты что – бросишь работу и возглавишь поиски?

– А ты бы не бросил все ради Люды? – с вызовом спросила она, разворачиваясь к нему, будто готовясь к бою. – Спокойно бы уехал?

– Я – дело другое!

– Потому что ты с ней спишь? Так уехал бы или как? Думаю – уехал бы!

– Да ты что заводишься? – Он понизил голос, беспокойно поглядывая на таксиста – тот явно с большим удовольствием

слушал их разговор, даже радио приглушил. – Я же никуда не уехал! Вот – дальше Александрова ни ногой!

Марфа что-то невнятно пробормотала и снова отвернулась. Дима озадаченно замолчал. «Женская дружба! А говорят, что ее нет – до первого мужика. Вот вам – любуйтесь. Надо с ней поосторожней. Скажешь что-нибудь, она перевернет по-своему. Вообще, кажется, особа психованная. А чему удивляться? Большая начальница, нервы...» Его больно укололо то, что Марфа наверняка занимала более высокое служебное положение, чем он. И конечно, зарабатывала больше. «Ей нипочем выкинуть пятьдесят долларов на такси. Я-то сто раз подумаю... У нее шикарная квартира, отличная работа, она свободна, красива... О чем я вообще думаю?!» Он с ужасом поймал себя на том, что его уязвляет создавшаяся ситуация, когда женщина одновременно и близка, и недоступна. «Она же подруга Люды!» Во всех романах, которые у него были прежде, подруги его возлюбленных никогда не представляли для него табу. Он не мог заставить себя смотреть на красивую женщину и хоть раз не «примерить» ее мысленно к себе. Марфа нравилась ему куда больше тех, прежних – Дима не мог этого скрывать от самого себя. Но... Люда пропала. Будь она рядом, он бы не ерзал, как на раскаленной сковородке.

Всю дорогу они молчали, Дима даже вздремнул и открыл глаза только в Александрове, когда нужно было указывать дорогу. Расплатилась его спутница – настояла на своем.

– Ну, вот эта улица, вот этот дом, – сказал он, отпирая калитку.

– Вот эта барышня, что я влюблен, – машинально продолжила она, ступая на поросшую травой дорожку. – Люда никак не может сюда попасть? Ключи только у тебя?

– Только у меня.

– Значит, нет барышни. – Она оглядывала участок. – Как эти деревья называются? Липы?

– Осины.

– Я в природе не разбираюсь, – призналась женщина, нерешительно трогая набухшие почки на кусте смородины. – А там что – прудик?

– Болото.

– Комаров много? Я их не выношу.

– Сейчас еще ничего, а что будет дальше... Войдешь в дом? – Он уже стоял на крыльце, возился с замком.

– Какое грустное место, – задумчиво произнесла Марфа. – Дом как будто плачет или хмурится. А ведь день ясный! Скажи, тут никто не умирал?

Он вздрогнул – так странно прозвучали эти слова.

– Ну, знаешь ли, – Дима попытался пошутить, – люди вообще-то чаще умирают в домах и квартирах, чем на улице. Наверное, умирали – дому лет пятьдесят.

– Я не об этом. – Она продолжала смотреть куда-то вдаль с застывшим, каким-то сонным выражением лица. В этот миг Марфа была похожа на ясновидящую, которую посетило ви-

дение. – Я не из тех, кто боится похорон, покойников, кладбищ. Я ничего этого не боюсь – при условии, что человек умер нормально, в своей постели или в больнице. Меня пугает, когда смерть наступает внезапно, знаешь, нелепо. Или жестоко.

– Ты что-то такое тут чувствуешь? – заинтересовался он. – Я знаю только, что у прежнего хозяина тут умерла жена. Люда рассказывала – она ее помнит. Говорит, что это было вскоре после их свадьбы, что молодая заболела какой-то ангиной и у нее в горле выросла опухоль, которая ее и задушила. За считанные минуты. Она рассказывала тебе об этом?

Марфа качнула головой:

– Никогда. Она вообще не говорила об этом городе. Умерла от ангины? Опухоль? Не знаю, скорее похоже на аллергию... На укус осы или пчелы, например. Говорят, есть процент людей, для которых он смертелен. Это было давно?

– Люда была девочкой.

Женщина вздрогнула.

– Мне тут не по себе. Покажи дом.

Осмотр не произвел на нее благоприятного впечатления. Она ничего не критиковала, в отличие от Ирмы, но и не стала врать, расхваливая покупку. Только и сказала:

– Здесь очень тихо.

– Да, после Москвы даже жутковато, – согласился Дима. Он провел ее по дому, показал все уголки, и в какие-то моменты у него являлось странное ощущение – что это уже бы-

ло. «Было, да, но с Людой. Я снова здесь наедине с женщиной, но эта ничего не знает и ни к чему меня не принуждает. Я могу ничего вообще не делать с этим домом! И никто меня не заставит!» Он думал так и лгал себе – Дима отлично понимал, что заставит себя сам. Пятнадцатого мая он рассчитывает получить на руки последние документы на дом. Таким образом, он станет окончательным его владельцем. А уже в двадцатых числах дом будет снесен. Так хотела поступить Люда, так сделает и он.

– Люда мечтала об этом доме? Она скучала по Александру?

– Да, только об этом и говорила, – уклончиво ответил Дима.

– Неужели она собиралась тут жить? – Марфа коснулась ладонью бревенчатой стены. – Тут сыро, пахнет гнилью. Я, как специалист по стройматериалам, могу тебе сказать: этот дом – покойник. Живой труп. Лучше всего его снести.

– Что я и сделаю.

Она удивленно обернулась, перестав отщипывать отсыревшие волокна дерева от бревна:

– Ишь! И построишь новый?

– Поглядим.

– А если Люда не найдется? – Она подошла к нему вплотную и заглянула прямо в глаза. В сумраке, которого не мог выгнать из комнаты дневной свет, ее глаза казались больше и темнее. «Она уже не в первый раз становится ко мне так

близко. Если бы не Люда, я бы решил, что она меня соблазняет. Провоцирует. Зачем это Марфе? У нее наверняка куча поклонников. Ради забавы?»

– Мы же решили верить, что она найдется, – ответил он, мужественно сохраняя непроницаемое выражение лица. – Хочешь, сходим в милицию?

Женщина чуть отодвинулась, но напряжение не спало. Она продолжала смотреть прямо ему в глаза. «Долго я так не выдержу, первым отведу взгляд. Она как будто испытывает меня на прочность. Я ее не понимаю!»

– Не вижу смысла туда идти. – Она взглянула на часы. – Не вижу смысла вообще куда-нибудь идти. Ты здесь ночевал?

– Что?! – опешил Дима.

– Я говорю, что нужно остаться здесь на ночь. Вдруг зайдет Люда?

– Ты... ты всерьез это говоришь? – еле выдавил он. – Как это – зайдет?

В этот миг у него появилось отчетливое ощущение, что Марфа бредит, но она вдребезги разбила это подозрение:

– Ты же сам говорил, что она могла потерять память. Значит, бродит где-то, как лунатик. Не исключено, что инстинктивно возвращается к этому дому. Ты же здесь не дежурил?

– Да ее бы давно заметили!

– Кому замечать? – Она подошла к окну, брезгливо тронула пыльную занавеску. – По улице за все время, пока мы здесь, ни одна машина не проехала. И людей не видно. Ты

говорил с соседями? Кто они? Призраки?

– Люда не может бродить по городу – здесь первый милиционер – ее! Она же в розыске! И у нее наверняка странный вид, она привлекает к себе внимание.

Он сказал это, и у него сжалось сердце – от жалости, тревоги и презрения к себе – как он мог думать о ком-то еще, пусть в шутку, когда ей плохо, она в опасности! «Или я ее не люблю?!» – пришла в голову крамольная мысль.

– Останемся. – Марфа повозилась со шпингалетами на окне, выходящем в переулок, и наконец открыла его. – Надо выпустить воздух. Здесь есть продуктовые магазины?

– Постой. – Он смотрел, как Марфа деловито копается в своей сумке, достает мобильный телефон, зарядник, ищет розетку... – Ты всерьез решила заночевать?

– Ты же у меня ночуешь! – сразила она его веским аргументом. И в самом деле, за три года жизни в Марфиной квартире он привык считать ее своей. Дима только развел руками. Почему бы и не остаться? В сущности, это глупо – дом-то его, а он как будто избегает здесь бывать. Наверное, из-за Люды – он просто перенял ее боязливое отношение к этому месту.

После обеда резко потеплело, запахло настоящей весной. Они сходили к станции, купили кое-какие продукты, красное сухое вино – так пожелала Марфа, зубные щетки, пасту и мыло, и даже постельное белье.

– Две наволочки, четыре простыни, два полотенца, – со-

средоточенно считала Марфа, оглядывая нагруженного пакетами спутника. – Хватит. Подушки там есть и одеяла, кажется, тоже. А спички?

– Зачем? – Он едва переводил дух, не переставая изумляться странностям ее характера. Марфа, казалось, вовсе забыла о пропавшей подруге.

– Раз уж мы за городом, я хочу развести костер.

Они действительно развели огонь – на это ушло немало времени, дрова, найденные под навесом с теневой стороны дома, оказались сырыми и поначалу не горели. Марфа чихала от дыма, терла покрасневшие глаза и искренне наслаждалась зрелищем робкого огонька, который им наконец удалось добыть. Дима отыскивал ветки посуше, устраивал для своей гостьи нечто вроде пуфика – из пня и ватного одеяла, насаживал сосиски на ободранные прутики – Марфа захотела их поджарить.

Костер разгорелся, когда начали сгущаться первые легкие сумерки. Женщина примолкла, пригревшись у огня, и задумчиво ворошила уголья длинной веткой. В переулке было так тихо, что его в самом деле можно было посчитать вымершим. Дима открыл вино, налил себе и Марфе.

– Настоящий пикник, – сказала она и подняла на него глаза, в которых отражалось пламя. Сейчас они казались темными. – В Германии я мечтала об этом. Пикники и там были, и с большим комфортом, но мне хотелось другого. Где-нибудь в глуши, в Подмосковье...

– Во Владимирской области, – поправил ее Дима и сделал глоток. – За что пьем?

– Не знаю. Ни за что! – Она залпом осушила стакан и поставила его на землю. Щеки чуть зарумянились – или на них упали отблески ярко вспыхнувшего пламени. Дима украдкой ею любовался. Если Люда была воплощением расчетливости и порядка, то Марфа казалась существом, сотканным из хаоса – переменчивым, пугающим и обольстительным. – Надоело пить за что-то. Вообще все надоело.

Она натянула на плечи сползающую куртку, поманила к себе Диму:

– Сядь, не мельтеши. Давай просто помолчим. Нет, я хочу говорить! Сама не знаю, чего хочу!

Дима дипломатично молчал. Женщина придвинулась к нему ближе, он чувствовал тепло ее гибкого, подвижного тела. «Сейчас обнять ее, и все! – мелькнуло у него в голове, уже чуть затуманенной хмелем. – Сейчас...» Он попытался прогнать эту мысль – не вышло. И тогда он осторожно, но настойчиво обнял ее за плечи, чуть притянул к себе. Марфа, не сопротивляясь, смотрела на огонь и продолжала говорить.

– Если бы ты знал, что у меня за жизнь! Со стороны все хорошо, удачно, да? Я и стараюсь, чтобы все удавалось. Люда как-то сказала, что такие люди, как я, рождены только для успеха. Иначе они гибнут. Не знаю, наверное. В школе я не получила золотую медаль и чуть не загнулась в больнице. Никто не мог сказать, что со мной, я просто умирала. Не хо-

тела жить. И с тех пор у меня все и всегда получалось. Я дала себе слово, что у меня все будет получаться. Но бывают такие вечера, как этот... Вроде бы ничего удивительного в них нет – они, наоборот, какие-то совсем простые, без затей... Но почему-то вспоминаешь всю свою жизнь, и она кажется совсем никчемной... И кажешься себе такой старой!

– Вы же с Людой ровесницы? Это в двадцать восемь лет ты – старая? – Дима все еще прижимал ее к себе, хотя чувствовал – женщина целиком поглощена собой и своими переживаниями.

– Старая, – упрямо повторила она. – В такие вечера я понимаю, что у меня и романа-то ни одного не было. Связи были, а романов что-то не вспомню. И все это было похоже на меня. «Позавтракаем вместе перед работой?» Потом встречаемся где-то во время обеденного перерыва. Ну, а в финале, где-то через недельку – ужин и постель. И со всеми я спала потому, что они мне были нужны для карьерного роста. Я ни разу влюблена не была – веришь?

Она как будто вспомнила о том, что Дима ее обнимает, и чуть отстранилась:

– Я тебе нравлюсь?

– Да, – прямо ответил он.

– Как же так? А Люда?

– Она здесь ни при чем. Я, конечно, буду ее искать.

– А когда найдешь – расскажешь, как обнимал меня?

– Ну, знаешь...

Ему казалось, что Марфа улыбается, но потом он разглядел слезы, блеснувшие в ее глазах.

– Мне ужасно грустно, – сказала она. – Ужасно. Когда у меня такое состояние, я делаю глупости. Я вовсе не такая железная бизнес-леди, какой меня считает Людка. Ты ничего ей не скажешь?

– Ничего, – пообещал он, едва ли понимая, о чем речь. И тут Марфа сама обняла его и крепко, жадно поцеловала. Он прижал ее к себе, отлично понимая, что в ее порыве больше истерики, чем желания, но оттолкнуть эту женщину было уже невозможно.

– Идем в дом, – шепнула она, оторвавшись от него и переводя дыхание. – Или нет – здесь! Прямо здесь!

И он, совершенно теряя голову, забывая о том, что через ограду из рабицы их могут увидеть прохожие, разостлал по земле ватное одеяло. Марфа встала на него коленями и, сбросив куртку, протянула руки:

– Иди сюда! К огню!

У нее были жадные губы, нежные и горячие, и особую сладость этим поцелуям придавало то, что они были ворованные, запретные. «Мы оба сошли с ума!» Это было все, что он мог подумать, окончательно забываясь и забывая все – Люду, угрызения совести, время, место и самого себя.

– Это он! – обрадовалась Татьяна, когда около полуночи зазвонил телефон. Весь день она ждала звонка от сына – а тот отмалчивался. Женщина начинала всерьез опасаться, как бы тот не запил, несмотря на проблемы с желудком. Но звонила Ирма.

– Ты? – упавшим голосом спросила Татьяна, оглядываясь на оживившегося было мужа. Сделала ему знак – не беспокоиться, тот пристально на нее взглянул и снова уставился в телевизор. – Так поздно?

– Но ты же еще не спишь! – Ирма и не думала извиняться. Она говорила напористо и возбужденно. – Слушай, можешь смеяться сколько угодно, но я моей гадалке верю!

– Ну и верь, а я...

– Она только что мне звонила! – перебила ее Ирма. – Нашла мой телефон среди старых бумажек, представляешь, а я к ней сто лет назад обращалась! Она просила твой номер, но я не дала. Ты была в таком настроении, когда мы уезжали от нее, что я решила – не надо вас сводить, ты нагрубишь. Я попросила все передать через меня. Она опять на тебя гадала! То есть на твою Людку!

– Она просто требует деньги, твоя ведьма! – возмутилась Татьяна. – Я ни о чем не просила!

– Да это бесплатно!

– Она заманивает, пользуется критическим положением! Что там еще?

– Теперь Люде грозит опасность, – взволнованно выдохнула подруга. – А может быть, даже смерть!

– Такими вещами не шутят! – вспыхнула Татьяна. – Передай этой волшебнице, что я ее могу засудить! За шарлатанство! За причинение морального ущерба!

– Да она же хочет помочь! – Голос Ирмы истерически зазвенел. – Она не могла уснуть, хотя у нее болела голова, и все время думала о твоей Люде, вот и разложила карты. Она называла расклады, но я все перепутала. Помню только, что там были тучи, а в позиции настоящего – гроб!

– Гроб?! – Татьяна против воли снова поддалась внушению и на миг приняла услышанное всерьез. – Гадалка хочет сказать, что Люда мертва?!

– Вовсе нет, но ее дела резко ухудшились и приняли очень дурной оборот. Она же предупреждала – ситуация будет развиваться очень быстро! Она не знает пока, откуда исходит опасность и как ее отвратить, но говорит, что у девушки очень дурное окружение.

– О господи, – пробормотала Татьяна, чуть опомнившись. – И я должна выслушивать это на ночь! Ведь я теперь спать не буду, даром, что не верю!

– Постой, есть еще карта совета. Это – коса. Люде надо немедленно отказаться от того, чем она сейчас занимается, слышишь, немедленно!

– Да я-то как могу на нее повлиять?! – резонно заметила Татьяна, но Ирма никак не могла успокоиться – казалось, это у нее пропала потенциальная невестка. Она говорила что-то еще, но подруга больше не слушала. «Хорошо, что Дима не знает об этих гаданиях. Он такой нервный! Его так легко сбить с толку! Я всегда говорила, что ему бы надо было родиться девочкой. Да я девочку и ждала... Я так радовалась, что он встретил Люду, они подходили друг другу. У нее-то была холодная голова, а нервы... Будто и вовсе без них родилась. А теперь полный мрак! Не представляю, как он это переживет. Знаю одно – такой девушки уже не встретит! Когда она была с ним, я была спокойна за сына...»

– В следующий раз, когда тебе позвонит гадалка, передай ей от моего имени большой привет и скажи, чтобы больше не утруждалась. Мне ее услуги не нужны, – сказала она, дождавшись, когда Ирма умолкнет. – Люда в розыске, мой сын – в истерике, и поверь – впечатлений мне хватает! Завтра собираюсь в больницу к ее матери, заодно и познакомимся.

– Неужели вы раньше не виделись? – жадно вцепилась в новость Ирма, разом забыв о гадалке. – Как же так? Ведь молодые были все равно что женаты!

– Так получилось, – суховато ответила Татьяна. – Вот и наверстаем упущенное.

– Хочешь, я пойду с тобой?

Подруга, как всегда, предложила помощь от чистого сердца, но Татьяна отказалась наотрез. Она не могла без содро-

гания представить, как ее спутница вдруг начнет информировать больную женщину о предсказаниях карт Ленорман. «С Ирмы станется. Честно говоря, она сама спровоцировала Люду тогда, на даче. А мне бы сдержаться, понять, так нет – подлила масла в огонь. Мы так скверно расстались! Даже не попрощались, кажется... От этого еще тяжелее...»

– Я женился на тебе, а не на Ирме, – в тысячный раз напомнил ей супруг, когда женщина повесила нагретую трубку. – Твоя мама, пусть земля ей будет пухом, терпеть ее не могла и меня предупреждала, чтобы я не очень-то пускал ее в дом.

– Какая чепуха, – устало бросила она, разбирая на ночь постель. – Ирма всегда меня поддерживала в трудную минуту.

– А я, значит, нет?

Она махнула рукой и погасила свет. Лежа в темноте с открытыми глазами, женщина попыталась вспомнить лицо Люды, спокойный взгляд ее прозрачных голубых глаз, ее неяркую, но приятную улыбку... И обнаружила, что не может этого сделать. Вместо лица являлось размытое серое пятно. Сейчас она не смогла бы даже описать внешность девушки – та превратилась в тень, в туманный силуэт.

– Что такое? – сонно спросил муж. – Ты так дрожишь – вся кровать трясется. Прими успокоительное.

Татьяна приняла, но таблетки не помогли. И напрасно она пыталась уверить себя, что гадание – ложь, а ее фантазии

вызваны взвинченными нервами. Сон к ней не шел, а дурные мысли не уходили. Охотнее всего она сейчас прижала бы к себе сына и погоревала вместе с ним – глядишь, и ей, и ему стало бы легче. Но он был далеко.

* * *

Костер горел низко и уютно, угли на краю кострища то рдели, то подергивались сизым пеплом, который улетал в черное небо вместе с искрами. Пламя неярко освещало лица двух людей, сидевших, прижавшись друг к другу, на границе света и тьмы. Женщина подтянула колени к подбородку, обхватила их руками и переплела пальцы. Ее глаза неподвижно смотрели в самую сердцевину огня, туда, где рождались и тут же гибли золотые и оранжевые призраки. Мужчина держал наполовину пустой стакан с вином и изредка к нему прикладывался. Он то и дело поглядывал на свою спутницу, но так как будто ничего не замечала, целиком уйдя в созерцание.

– Тебе все еще грустно? – спросил он наконец. Голос прозвучал хрипло, Дима откашлялся. Странно – теперь он почти робел перед нею. Его терзало смутное чувство вины, хотя Марфа пошла на сближение сама, можно сказать – спровоцировала его.

Женщина качнула головой, опустила веки.

– Пойдем в дом? Ляжем?

Она снова сделала отрицательный жест.

– Ты сердишься на меня? – уже умоляюще спросил Дима. – Жалеешь?

– Нет. Мне хорошо.

– Правда? – обрадовался он и обнял ее. – И мне, знаешь, тоже ужасно хорошо! Я подумал... Это, конечно, не очень красиво, зато правда... Что все было бы просто чудесно, если бы не Люда. Понимаешь? Ты и я, это место... Оно уже не кажется таким унылым. Если не думать о ней, то можно сказать, что я счастлив.

– Ты все-таки скажешь ей правду, если она вернется? – Марфа положила ему на плечо тяжелеющую, сонную голову. – Она тебе этого не простит. Она не из тех, кто прощает ошибки.

– Ты не ошибка!

Марфа прижалась к нему еще теснее и, чуть вздрогнув, шепнула, что тоже всю жизнь ошибается. И в людях, и в самой себе.

– Я ошибаюсь – следовательно, существую. – Она тихонько поцеловала его в шею. – Не хочешь провести работу над ошибками? Только в доме – меня уже кто-то укусил.

И если бы мать Димы узнала о том, как провел ночь ее сын, она была бы поражена этим куда больше, чем загадочными прорицаниями потрепанных карт Ленорман.

Даше скучно и не по себе – у нее все валится из рук. Сегодня, как всегда, она встала с солнцем, умылась, оделась с

помощью горничной девки и села было вышивать алтарный покров для церкви Спаса на Ключиках. Матушка обещалась вышить его давно, по обету, да дела не пускали, вот Даша и помогает по мере сил. Обет давался из-за нее же, когда полгода назад она опасно захворала. Чудотворная икона помогла, батюшка щедро пожертвовал на церковь, а матушка села было вышивать, но у нее пошло медленно. Казначейша Фуникова-Курцова живет не как прочие богатые хозяйки – запершись в терему. Она везде звана и бывает, чаще ест в гостях, чем дома. Вот и вчера...

Даша вздыхает и роняет на пол иголку с ниткой. Поднимает, зевает и крестит рот. Работа у нее не спорится, она задумчиво глядит вдаль, забыв о натянутом на раму парчовом полотне, а когда берет цветные бисеринки из деревянных чашек, составленных рядом на скамье, то путает цвета. Плащ Богородицы велено шить синим, а она по ошибке взяла желтый бисер, так что нянька, распарывая ее работу, сердито морщит восковой лоб: «Иудин цвет!» Но девушка не слушает няньку. На душе у нее смутно, она боится чего-то, а чего – толком не знает.

В большом и богатом доме Фуниковых беспокойно. Батюшку Даша не видала уже дня три – он почти не бывает дома, ему даже одежду переменить посылали со слугой в царский дворец. Матушка оттого ходит тревожная, невеселая – она всегда такая, когда батюшка во дворце. Вчера звали ее на пир – гуляли у Залыгиных, богатых купцов,

с которыми у бабушки какие-то дела. Она сперва отказалась было, сославшись на то, что не может дом пустым оставить, но ее так упрашивали, что поехала. Вернулась под утро, да не на своих ногах – принесли пьяную. Даша видела это, выскочив на галерейку, где обыкновенно встречала матушку. Она замерла, сдвинув гладкие русые брови, глядя, как слуги проносят мимо нее полное тело матушки, почти неразличимое под парчовыми одеждами и мехами. Та громко, отрывисто храпела, румяна размазались по щекам, белила и сурьма растеклись – на пиру, видно, было жарко. Ее оплывшее лицо казалось покрытым кровью и синяками.

На галерейке резко запахло чесноком и романеей – французским вином, до которого матушка была большая охотница. Даша молча отступила в свою светлицу и прилегла на постель, но уснуть ей так и не удалось. Матушка так пьяна – отчего? Никогда ее не приносили, никогда еще казначейша Фуникова не равняла себя с соседками-выпивохами, которые не считали зазорным напиться до бесчувствия в чужом пиру, оказать таким образом честь хозяевам.

Даша прерывисто вздыхает, и синие бисеринки выпадают из ее разжатой руки, катятся по полу и теряются в щелях. Девушка подходит к окну, открытому по случаю летней жары, тоскливо выглядывает, но видит только высокий забор, обносивший двор женских покоев, кусок ясного неба да отцовского постельничего Антона, который лениво, нога за ногу, пересекает пыльный двор в направлении кладо-

вых. Она ждет у окна, надеясь, что пройдет еще кто-нибудь — все же развлечение, — но двор казначея, обычно многолюдный, будто вымер. Это кажется Даше странным, но потом она решает, что все схоронились от жары — к полудню даже воробьи ищут тени. Ей хочется лечь, соснуть. Никто ее не заругает за леность — Даша единственная дочка, балованная, и ни отец, ни мать еще ни разу толком ее не наказывали, вкуса отцовской плетки она не знает. Матушку он время от времени учит, но с уважением, не до кровавых борозд на спине. Все, что видит дочь от отца, это ласки да подарки, подчас дорогие. Дашу они радуют и смущают — ведь эти вещи пойдут ей в приданое. Матушка разрешает ей рассмотреть их, примерить, если подарена одежда или украшения, а потом прячет в большой сундук — Дашин сундук. Она мечтает собрать дочери такое приданое, чтобы всей Москве в нос бросилось — казначейша страдает грехом тщеславия, да и немудрено. Сама она княжеского рода, урожденная Вяземская, а ее супруг и вовсе чуть не царский родич — с одним из его крестных отцов в родстве. Фуников-Курицов чуть не каждый день видит государя и еще ни разу его опалы не испытал. Кто еще на Москве может похвалиться таким богатым домом, многочисленной дворней, готовой в огонь и в воду, кто зван на все пиры, кого сажают за стол выше всех гостей? Ее муж, ездивая в гости к самым знатым особам, не оставляет свою лошадь у ворот, а ставит у крыльца, как равный. Да что там — один

раз Фуников, спеша по царскому делу, осмелился проехать через весь кремлевский двор, и что же? Разве били его кнутом? Напротив – царь похвалил его за усердие и торопливость и наградил кунными шкурками, которые опять же пошли Даше в приданое. Царь грозен, но и добр. Так говорит матушка. Кто бы они были без его милостей? И дочь свою выдать матушка ладит за князя, непременно за князя. Ведь и скоморох, у которого батюшка купил правый глаз орла, чтобы вечно носить под мышкой в наговоренном платке и тем самым избежать царского гнева, прямо нагадал Даше – быть ей за князем. Он сжег пучок соломы, высыпал пепел в крещенскую воду, велел матушке выпить и подарить ему что-нибудь. Та подарила десяток беличьих седых шкурок, и скоморох ясно сказал – Даша скоро выйдет замуж за князя. За это матушка подарила его еще и куницами.

– Что такая скушная? – беспокоится наконец нянька, которая с утра тоже не в духе. В отличие от прочей дворни, она винного духа не переносит, и ночное возвращение пьяной госпожи до сих пор не дает ей покоя. – Поела бы?

– Неохота, – лениво отвечает Даша, думая о своем князе. Каков-то он будет? Молодой или в годах? Красивый или так, шершавый какой-нибудь? Злой или ласковый? Матушка не отдаст за бедного и незнатного, не отдаст и за опального, и за того не отдаст, кто к царю не вхож, а за прочего... Какая-то ей выпадет судьба? Даше тревожно и разом сладко. В груди у нее что-то замирает, и, томно при-

крыв глаза, она мечтает о том, чтобы князь был похож на того молодого рынду, что служит на пирах царю и стоит от него по правую руку – так говорил батюшка. Каких же он будет? Даша вспоминает – Постниковых. Имени она не знает, при ней не называлось, а спросить стыдно – сразу догадаются, что она умудрилась его как-то видеть. Князь ли Постников? У него такие ясные глаза, совсем синие – вот как бисер, которым она шьет. Собой пригож, строен, как девица, лицом бел – царь на такую должность уroda не назначит. Он любит красивые лица. Взять хоть Басманова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.